

Санкт-Петербургский государственный университет

ХРАМОВА Яна Николаевна

Выпускная квалификационная работа

Тибет в период Синьхайской революции (1911-1912 гг.)

Уровень образования:

Направление 58.03.01 «Востоковедение и африканистика»

Основная образовательная программа СВ.5035. «Востоковедение и африканистика»

Профиль История Тибета

Научный руководитель:

заведующий кафедрой монголоведения и тибетологии

Восточного факультета СПбГУ,

д.и.н., профессор

Успенский Владимир Леонидович

Рецензент:

заместитель руководителя департамента востоковедения и

африканистики НИУ ВШЭ,

к.и.н., доцент

Солощева Мария Алексеевна

Санкт-Петербург

2021

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава I	7
Глава II	32
Глава III	49
Заключение	65
Список использованной литературы	69

Введение

Данная работа представляет собой анализ событий, которые происходили в Тибете в начале XX в., главным из которых стала Синьхайская революция 1911 г., ставшая поворотным моментом в Китае и вместе с этим ознаменовавшая новый этап в истории Тибета. Падение Цинской империи и основание Китайской Республики оказали значительное влияние на судьбу Тибета, вновь обратив международное внимание на так называемый «тибетский вопрос», обсуждение которого в 1913 г. на Симлской конференции впервые осуществлялось не только иностранными государствами, но и самими представителями тибетского правительства.

Актуальность темы данной работы обуславливается важностью изучения исторических процессов, которыми сопровождалась Синьхайская революция в Тибете. Столкновения интересов как различных слоёв тибетского общества, так и иностранных государств в рассматриваемый период определили дальнейшие перспективы развития тибето-британских и тибето-китайских отношений и во многом сформировали те условия, в которых Тибет существовал в первой половине XX в.

Цель данной работы – исследовать ход революционных событий 1911-1912 гг. в Тибете и оценить их последствия для тибетского общества и международных отношений в Центральной Азии начала XX в. Автор данной работы ставила перед собой следующие задачи:

- определить предпосылки революционных событий в Тибете, сформировавшиеся в результате тибетской политики Цинской империи в начале XX в. и оценить их значимость для тибетского общества в 1911-1912 гг.;

- описать и проанализировать основные предпосылки и последствия Синьхайской революции в Тибете и их влияние на политическое развитие Тибета;

- восстановить хронологию важнейших событий на основе оригинальных источников и исследований отечественных и зарубежных авторов;

- описать и проанализировать особенности разных мнений о политическом будущем Тибета в тибетском обществе

- определить **основные тенденции** политики республиканского правительства Юань Шикая в отношении Тибета

При написании данной работы был использован ряд отечественных и зарубежных тибетологических исследований, близких по тематике к ее сюжетной канве. Среди использованных изданий присутствуют фундаментальные исследования по тибетской истории, такие как труды М. Голдштейна «A History of Modern Tibet, 1913-1951: The Demise of the Lamaist State» [17], Е. И. Кычанова и Б. Н. Мельниченко «История Тибета с древнейших времен до наших дней» [2] и А. Маккея «The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity» [27].

Среди важных исследований, посвящённым китайской политике в Тибете в обозначенный период, необходимо выделить работы Д. Хо «The Men Who Would Not Be Amban and the One Who Would: Four Frontline Officials and Qing Tibet Policy, 1905-1911» [18], Э. Сперлинга «The Chinese venture in K'am, 1904-1911, and the role of Chao Erh-feng» [33], Дава Норбу «China's Tibet Policy» [13], Линь Сяотин «Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928-49» [24], Дж. Тайга «Inner Asian Anxieties at the dawn of the Chinese Republic: Mongolia and the Short Life of North-West Magazine» [35] и О.Е. Непомнина «История Китая: эпоха Цин, XVII-начало XX века» [4].

Основные философские и культурные принципы, лежащие в основе китайской традиционной политики подробно изложены в работах Е. Л. Беспрозванных «Тибето-китайские отношения в XVII-XVIII веках» [1], А. С. Мартынова «Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений» [3], Дж. Кранмер-Бинга «The Chinese View of Their Place in the World: An Historical Perspective» [12] и П. Хо «In Defense of Sinicization: A Rebuttal of Evelyn Rawski's "Reenvisioning the Qing"» [19].

Мнения и позиции тибетского правительства Далай-ламы в период 1911-1913 гг. исследовались в трудах В. Д. Шакабпы «One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet» [31], К. Арпи «Glimpses on the History of Tibet » [7], и Н. Т. Дундула «In the Service of His Country: The Biography of Dasang Damdul Tsarong» [15].

Для лучшего понимания особенностей британской политики в отношении Тибета и Китайской Республики были использованы работы А. Лэмба «The McMahon Line. A Study in the Relations between India, China and Tibet, 1904 to 1914» [23], Т. Л. Шаумян «Тибетский вопрос в англо-русских переговорах 1906–1907 гг.» [6] и В. Пэлэса «Losing Face: the British foreign service and the question of Tibet 1904-1922» [28].

В ходе исследования **также** были использованы работы, опубликованные в последние годы в КНР, которые основаны на большом количестве труднодоступных для западных историков источников и, соответственно, сообщающие новые факты о событиях, происходящих в описываемый период. Среди них важно отметить исследования Чжан Чжаоюна «清末民初拉萨动乱性质初析 = Цинмо миньчу ласа дунлуань синчжи чу си (Анализ беспорядков в Лхасе в конце династии Цин)» [40] и Чжан Юйсиня «蒙藏事务局及其对藏政的

管理 = Мэнцзаншиуцзюй цзици дуй цзанчжэн дэ гуаньли (Бюро по делам Монголии и Тибета и его политика в отношении Тибета)» [41].

В исследовании также были использованы источники на тибетском языке. Основным из них является “Биография Далай-ламы XIII Туптен Гьяцо (1866-1933)” [45], в которой были описаны среди прочего пребывание Далай-ламы в Индии в 1910-1912 гг., его религиозная и общественная деятельность в Дарджилинге и Калимпонге, а также подробности его пути в Тибет в 1912 г. Ещё одним важным источником стал сборник писем чиновника тибетского правительства Шэда Палджор Додже [46], опубликованный в 1901 г. и проливающий свет на характер отношений центрального правительства Тибета и локальных правителей восточного Тибета.

Глава I

Тибет в преддверии Синьхайской революции

Международный статус Тибета в начале XX века стал объектом споров. Так называемый «тибетский вопрос» возник в первую очередь у иностранных государств – Великобритании, сперва столкнувшейся в конце XIX века с проблемой отсутствия с тибетской стороны стремления вступать с ней в экономические контакты, и России, чья активная исследовательская деятельность (начиная со второй половины XIX в. пределы Тибетского нагорья посетило несколько русских экспедиций, во главе которых стояли Н.М.Пржевальский, В.М.Певцов, В.И.Роборовский, П.К.Козлов, Г.Ц. Цыбиков и Б.Б. Барадийн) и связи буддийских общин с тибетским духовенством, также привели к её вовлечению в сферу тибетского внимания. В дальнейшем этот вопрос развивался, благодаря горячему желанию тибетцев наладить межгосударственные политические отношения с этими двумя странами. Тибет, рассматриваемый ими как район, контролируемый Цинской империей, не только привлекал эти государства как с коммерческой точки зрения, так и своим культурным и религиозным влиянием, но вместе с этим являлся источником опасностей – ухудшения отношений с цинскими властями, а также обострения геополитического соперничества самих Великобритании и России в Центральной Азии. Глобальные процессы эволюции мировой политики в нач. XX в. привели к тому, что в условиях необходимости противодействия германскому милитаризму, эти страны, во имя благополучия будущего российско-британского военно-политического альянса, подписали в 1907 г. соглашение о статусе Тибета. Правительства России и Великобритании отказывались от посягательств на тибетские территории и вмешательства в его внутренние дела, признавая

сюзеренитет Цинской империи над Тибетом [5, с. 284]. Термин “сюзеренитет”, на котором настаивала Великобритания, в феодальной системе средневековой Европы подразумевал отношения, при которых вассал был обязан оказывать военную поддержку своему сюзерену и делать регулярные подношения. Во взаимодействиях Цинской империи, объявлявшейся согласно договору сюзереном, и Тибета, напротив, объектами ценных подношений всегда выступали тибетские ламы, в то время как в военных ситуациях зачастую именно Цинская империя брала на себя обязанности по защите тибетской территории. Таким образом, цинский сюзеренитет над Тибетом определялся британскими властями, скорее, с точки зрения не прав, а ограничений Цинской империи в Тибете – цинская империя могла назначить в Тибет одного представителя своей администрации, сопровождаемого ограниченным военным гарнизоном, а также имела возможность определять внешнюю политику Тибета, но не внутреннюю [13, с. 166-167].

Восточный Тибет или Кхам, в силу своих географических особенностей, всегда был особой частью Тибета. Этот район отличается большим разнообразием ландшафтов и климатических условий, и прорезан рядом горных хребтов, покрытых ледниками, и глубоких ущелий, в которые проникают южные ветра. Согласно выводам советских исследователей XX века, подобные условия существовали определили выделение жителей восточного Тибета в отдельную антропологическую группу [2, с. 5]. Неудивительно, что на протяжении долгой истории для управления этим регионом требовался специфический подход, который вырабатывался постепенно. В восточном Тибете сформировалось большое количество вожеств, среди которых основными являлись Чагла, Дэрге, Лингцанг, Нангчен, Лхатог, Чамдо, Батан, Мили, Побо и Хорпа. Традиционно их правители получали от китайского правительства титул “тусы”, которым

императоры награждали глав приграничных районов и считали своими данниками. Кроме того, в Кхаме располагалось множество буддийских монастырей, главы которых пользовались властью на довольно крупных территориях, окружающих монастырь. Как своих вассалов эти две группы лиц также рассматривало и тибетское правительство Далай-ламы, осознавая, вместе с тем, тот факт, что политические вожди Кхама подчиняются не только им, но и императору Китая [30, с. 97-98]. Об этом свидетельствуют письма тибетского политического деятеля Шэда Палджор Додже, направленные в начале XX в. тулку линии Пхагпа Лха в монастырь Галден Джампалинг, тулку линии Дракгьяб Цецханг в монастырь Дракгьяб в Чамдо, ламе монастыря Чойдзонг в Побо и правителю Дэрге.

“...Пусть я смиренный калон, назначенный по милосердию Далай-ламы и императора Китая, но мои помыслы чисты и новы. Давайте определим, что нужно предпринять и решить, и какие приказы отдать в регионе Кхам...”

– (из письма тулку линии Пхагпа Лха в монастырь Галден Джампалинг в Чамдо [46, с. 16])

“...Теперь, по состраданию Далай-ламы и императора Китая, прошу сказать, что нужно предпринять для поддержания благой жизни и служебной деятельности? Относитесь ко мне, как [источнику] поддержки, борющемуся за развитие товарища, делающему добро и заботящемся о [вашем] постоянном процветании...”

– (из письма тулку линии Дракгьяб Цецханг в монастырь Дракгьяб в Чамдо [45, с. 18])

Эти и прочие письма, отправленные калоном кхамским правителям, свидетельствуют о стремлении тибетского правительства поддерживать контакты с местной политической элитой и готовности удовлетворять их потребности, с целью сохранения этих районов в сфере своего политического влияния. Благополучие и лояльность местных правителей обеспечивали осуществление ими контроля на важных

торговых маршрутах, соединявших Лхасу с Чэнду, административным центром провинции Сычуань, и пролегающих по Сино-Тибетским горам, также известным как Сычуаньские Альпы. И для лхасского, и для пекинского правительств безопасность этих торговых путей имела большое значение [23, с. 183-185].

Нередко в тибетологической литературе можно встретить мнение о том, что проведение активной деятельности по развитию Кхама было начато Цинским правительством только после экспедиции Янгхазбенда в 1904 г., в результате которой была подписана Лхасская конвенция, обеспечивающая британским властям особые условия во внешних отношениях Тибета и торговле на тибетских рынках [17, с. 46; 27, с. 1-20; 33, с. 23]. Однако ещё в 1721 г. пекинское правительство присоединило кхамские территории к провинции Сычуань, однако внутренние разногласия между хошутскими князьями, в течение долгого времени контролировавшими эти районы, в конечном итоге привели к антицинским выступлениям 1723-24 гг [5, с. 86-103]. Воинственное население, нежелавшее делить малочисленные плодородные земли с китайскими переселенцами, а также терпеть вмешательства цинских чиновников в традиционные методы управления, разбушевалось так сильно, что даже в Лхасе было принято решение укрепить приграничные с Кхамом рубежи и изолироваться таким образом от происходящего в восточных землях беспорядка [1, с. 55]. В 1725 г. пекинское правительство осознало, что задача управления кхамскими землями не может быть решена одним рывком и требует гораздо большего внимания, и вернуло 14 кхамских округов под прямое управление Лхасы, а 13 передало в руки правителей-тусы, которые должны были нести ответственность перед цинскими чиновниками провинций Шэньси и Сычуань. Тем не менее, труднодоступность района и следующие из этого огромные экономические затраты,

требующиеся для осуществления регулярного контроля за деятельностью правителей, всё также вели к тому, что кхамские земли оставались предоставленным самому себе непокорным регионом. Изолированность Кхама неудержимо вела к развитию центробежных тенденций среди местных правителей и частым локальным восстаниям. В соответствии с традиционными китайскими политическими воззрениями перед цинским правительством с начала его правления стояла задача повсеместного поддержания мира и порядка на вассальных территориях, и одним из методов мироустроительного воздействия верховной императорской власти стала попытка ограничения свободы тибетской церкви в регионе. Монастыри восточного Тибета сыграли важную роль в Кукунорском мятеже 1723-24 гг., а также во время Цзиньчуаньского восстания в 1747 г. в Сычуани [1, с. 57, 95] Цинское правительство запретило монахам хранить оружие и ограничило их количество до 300 человек в одном монастыре. Желая получить буддийский титул “хутухта” должны были сперва подтвердить его перед цинскими властями. Также были начаты гонения против одной из школ тибетского буддизма - ньингма, поскольку Цины надеялись, что унифицировав тибетскую церковь вокруг главенствующей в Лхасе секты гелуг, они упростят себе задачу политического контроля над буддийскими авторитетами Кхама [1, с. 56-58]. Однако эти надежды были напрасны, поскольку, они, напротив, лишь настроили монашеские общества восточного Тибета против цинской администрации.

Следующая попытка навести порядок на граничащих с китайскими провинциями территориях Кхама была связана с политикой “самоусиления”, начатой в Цинской империи в конце XIX века, и курсом реформ “новой политики”, начатом в 1901 году. Цинское правительство, вынужденное действовать в условиях роста влияния в

Восточной Азии европейских колониальных держав и вторжения чужеродных иностранных форм производства в его экономику, продолжало во многом опираться на традиционный аграрный способ производства, надеясь восстановиться в первую очередь за счёт него [4, с. 534-540]. В 1903 г. губернатор провинции Сычуань, которая не раз ощущала последствия кхамских беспорядков, Сы Лян выдвинул идею о важности начала агрикультурного, горнодобывающего и торгового развития западных приграничных территорий, а также необходимости ввиду неподатливого характера местного населения переселения для этого в регион китайских земледельцев [42, с. 3]. В начале 1904 г. представители сычуаньского бюро по горному делу в ходе переговоров с цинскими чиновниками Батана выяснили, что в то время как некоторые тусы относятся к идее экономического развития Кхама благосклонно, многие члены духовенства, напротив, не согласны с тем, чтобы их территории были использованы для интенсивного земледелия китайскими крестьянами. В это время в Батан также прибыл младший амбань в Лхасе Фэн Цюань, который, вдохновившись идеей интенсивного развития кхамских территорий, мгновенно принял меры по ограничению влияния монастырей, введя новые ограничения на число монахов. Так был начат процесс активного освоения Кхама, в ходе которого в этот район стали переселяться китайские крестьяне. Цинская администрация предоставляла им сельскохозяйственные инструменты, скот и жилища в виде компенсации за тяжесть климатических условий и необработанность почв, а также выделяла средства на покрытие расходов на питание и транспорт.

В 1900 г. администрация вице-короля в Калькутте обратилась к цинскому правительству с требованием об организации прямых британско-тибетских переговоров. Когда на них не прибыл тибетский первосвященник Далай-лама, возмущённые британские власти приняли

решение о начале военной операции в Тибете, целью которой было провести переговоры с Далай-ламой и настоять на выполнении условий договоров, подписанных ранее цинской стороной. 4 августа 1904 г. британские войска под командованием полковника Ф. Янгхазбенда вступили в Лхасу, однако Далай-лама XIII к этому времени уже покинул город, демонстрируя тем самым протест против британского вторжения в Тибет, и направился в Монголию. 7 сентября 1904 г. была подписана Лхасская конвенция, согласно условиям которой правительство Тибета должно было признать подписанные ранее соглашения, открыть для британцев торговые рынки в Ятунге, Гартоке и Гьянцзе и выплатить контрибуцию в размере 500 тысяч фунтов стерлингов. Согласно её 9-й статье Тибет не имел права допускать на свою территорию представителей других стран, продавать иным государствам свою территорию, позволять им вмешиваться в свои внутренние дела и предоставлять им какие-либо концессии без согласования с британскими властями в Индии. Вторжение Ф. Янгхазбенда естественным образом повлияло на усиление проведения цинским правительством «новой политики» в Кхаме. В Пекине было принято решение присоединить территорию долины Ньяронг, отчасти управлявшейся местным тусы, а отчасти принадлежавшей Литанскому монастырю. За выполнение этого приказа с энтузиазмом взялся младший амбань Фэн Цюань [23, с. 186]. Этот факт, наряду с появлением в Батане французской католической миссии, возглавляемой А. Сулье и Ж. Дюбернаром, взбудоражил буддийское духовенство Кхама, и в 1905 г. началось восстание, в результате которого были убиты Фэн Цюань, несколько цинских чиновников, а также французские священники. Для его подавления в Батан были направлены армии генералов Ма Динтая и Чжао Эрфэна. Основными целями деятельности Чжао Эрфэна в Кхаме являлись наведение порядка и ликвидация очагов

непокорности, и он, по оценкам многих исследователей, выполнил свою задачу блестяще. С 1905 по 1910 гг. армия Чжао Эрфэна оккупировала значительную часть Кхама и установила в ней цинскую администрацию, а также казнила взбунтовавшихся тусы в Батане и Литане и большое число лам в монастырях, объединившихся против новых цинских реформ. В 1908 г. в знак признания его военных достижений в «умиротворении» западного региона империи цинское правительство удостоило его назначением на впервые созданную должность пограничного комиссара провинций Сычуань и Юньнань. Кхамские земли, а вместе с ними и весь остальной Тибет, таким образом, официально стали в глазах цинского двора пограничной зоной, нуждающейся в постоянном контроле и защите. В мае 1907 губернатор провинций Гуандун и Гуанси Цэнь Чуньсюань выдвинул предложение о создании в Тибете двух новых провинций Цинской империи – Западной Сычуань в Кхаме и провинции Тибет в центральном Тибете – для организации более эффективной защиты от внешнего врага. Его идея стала активно обсуждаться не только в политических кругах Цинской империи, но и в негосударственных средствах массовой информации. В газетах “Дунфан Цзачжи” и “Наньфан Бао” регулярно печатались тревожные статьи о необходимости как можно скорее принять меры по превращению тибетской территории в цинскую провинцию, которые, по мнению историка Ли Юнцзюня, были написаны “материковой интеллигенцией, никогда не пересекавшей границ, и основывались исключительно на патриотическом энтузиазме, взывая к растущему страху китайского общества перед западной агрессией” [42, с. 3-4].

Более рациональный план действий предложил цинский амбань в Лхасе Лянь Юй. Он выразил сомнение в необходимости немедленного превращения Тибета в полноценную цинскую провинцию, поскольку, во-первых, это потребовало бы огромных финансовых затрат и долгого

времени, в то время как очередные агрессивные действия со стороны Запада могут начаться внезапно, а, во-вторых, внезапное изменение формы административного управления в условиях центробежных тенденций среди тибетских властей могло вызвать беспокойства в самом Тибете [42, с. 4]. Его опасения подтвердились рядом тибетских волнений, вызванных назначением Чжао Эрфэна в 1908 г. пограничным комиссаром Сычуани и Юньнани, а его брата Чжао Эрсюня губернатором Сычуани, и последовавшими за ними слухами о грядущем назначении “мясника” Чжао Эрфэна на пост тибетского амбана. Цинское правительство было вынуждено согласиться с доводами Лянь Юя, отложить назначение Чжао Эрфэна на должность амбана и ограничиться планом установления провинциального управления только на территории восточного Тибета. Впрочем, такой ход событий вполне устраивал самого Чжао Эрфэна, который к этому времени уже начал активно претворять в жизнь план по созданию на территории восточного Тибета новой цинской провинции Сикан. С 1906 по 1910 гг. он провёл ряд мероприятий по китаизации ряда районов Кхама, в результате которых облик региона значительно изменился. Образцово-показательным районом стало бывшее вождество Батан, где реформы Чжао Эрфэна прошли наиболее эффективно. В 1906 г. в Батане был введён свод правил для тибетцев, согласно которым они официально признавались подданными цинского императора и должны были подчиняться цинским административным органам, а не каким-либо самопровозгласившим себя вождям или главам монастырей. Тибетцы Батана обязывались соблюдать цинские законы и платить налоги, согласно цинскому законодательству. Тибетцам предписывалось взять китайские фамилии, а также одеваться в китайском стиле и сбривать волосы на лбу и висках, заплетая оставшиеся в традиционные маньчжурские косы. Осознавая, что внешние изменения едва ли

способствуют значительному принятию тибетцами новых правил, Чжао также стремился возобновить работу программы по переселению китайских земледельцев в Кхам, начатой в 1904 г. сычуаньскими чиновниками. Как и прежде, китайским крестьянам бесплатно выделяли рабочие инструменты и скот, оплачивали дорожные расходы и обещали передать землю в личное пользование, что было особенно привлекательно ввиду высокой стоимости земли в китайских провинциях. Вместе с этим в кхамских регионах строились школы для тибетских детей, где им преподавали китайский язык и принципы конфуцианства. Новая кхамская администрация, несмотря на скудную финансовую поддержку цинского двора, строила амбициозные планы по экономическому развитию Кхама. Чжао видел в восточном Тибете огромное количество неиспользованных ресурсов. В регионе был построен кожевенный завод, перерабатывающий кожу мирно пасшихся ранее на горных склонах овец на обувь для трудящегося населения. В кхамских долинах сажались тутовые деревья для того, чтобы впоследствии наладить производство шёлка. Для добычи минеральных ресурсов на территории Кхама было построено несколько шахт. Цинские чиновники и, в частности, Чжао Эрфен относились к этим проектам ответственно, приглашая для консультаций иностранных экспертов из Америки и Японии. В период с 1906 по 1910 гг. несколько кхамских городов были соединены новыми мостами и дорогами, на которых также строились постоянные дворы. В 1906 г. в ходе беседы с исполняющим обязанности генерального консула Великобритании в Чэнду Гербертом Гоффе Чжао Эрфен даже попытался обсудить проект строительства железной дороги, которая соединяла бы восточный Тибет с Индией, однако консул отверг эту идею, найдя её плохо спланированной [18, с. 221; 28, с. 110; 33, р. 16-27].

Простые тибетцы, живущие в Кхаме, в результате преобразований Чжао впервые получили доступ к образованию и медицинской помощи. Вместо произвольного управления, осуществлявшегося прежде племенными вождями и ламами и носившего порой оскорбительный характер, им были предоставлены чётко прописанные законы и порядок налогообложения. Кроме того, согласно новым правилам, в Кхаме уничтожался институт рабовладения, вводился запрет на курение опиума, а на улицах городов повсеместно устанавливались публичные уборные, что не могло не вызывать у простого населения одобрение [28, с. 111]. Кхамские же ламы и бывшие племенные вожди-тусы, привыкшие обладать властью и эксплуатировать население, относились к реформам негативно. Ламское духовенство, издавна пользовавшееся безраздельной любовью населения, не только стало ограничено в своих правах, но и было вынуждено мириться с широкой поддержкой китайцами иностранных миссионеров и строительством конфуцианских храмов. Кроме того, новая цинская администрация не скрывала своего пренебрежения к тибетской традиционной религии и открыто осуждала поведение Далай-ламы, который, будучи духовной опорой населения, бежал из Лхасы [33, с. 22]. После подавления ламских восстаний в некоторых монастырях цинская армия конфисковала священные золотые статуи для последующей их переплавки на монету, а также религиозные тексты с целью использовать их как обувные стельки, что, естественно, вызвало сильное возмущение со стороны кхамского духовенства [31, с. 690]. Светские тусы также оказались лишены своих прежних привилегий, однако ввиду отсутствия религиозной составляющей в их отношениях с цинской администрацией, некоторые из них смогли приспособиться к новым условиям, и покинув пост правителя местности, стали получать пенсию от цинского правительства. Это хорошо иллюстрирует конфликт Додже Сэнкьела и

Джампэл Ринчена, сыновей правителя Дэрге, после смерти которого они не смогли договориться о праве наследования и оказались по разные стороны намечающегося в Тибете противостояния правительства Далай-ламы и цинского двора. Додже Сэнкьел при помощи войск Чжао Эрфена одержал победу в Дэрге, где в 1908 г. была установлена цинская администрация, а сам он был перевезён в свою новую резиденцию в Батане [30, с. 97-100]. Кроме того, напряжению между тибетцами Кхама и новым цинским управлением способствовал языковой барьер – китайские чиновники плохо владели тибетским языком и были вынуждены прибегать к помощи местных и иностранных переводчиков, которые не всегда выполняли свою работу добросовестно [39, с. 143]. На невозможность построить прямой диалог с китайскими переселенцами накладывалась вынужденность тибетских крестьян делиться с чужаками плодородной территорией, а также тот факт, что к работе на новых предприятиях, таких как кожевенный завод, мукомольные фабрики и плотницкие, привлекались в первую очередь имеющие опыт работы в этих областях китайцы, что создавало почву для зарождения экономического неравенства между привыкшими к скотоводству тибетцами и амбициозными китайскими переселенцами. Тем не менее, силы оппозиции, стремившиеся противостоять цинскому продвижению в Кхаме, были разрозненны и плохо организованы. Попытки мятежников заручиться поддержкой ещё не взятых под китайский контроль территорий Кхама нередко встречались местными тибетскими чиновниками безучастно, что позволило войскам Чжао Эрфена к 1910 г. занять территорию восточного Тибета вплоть до Чамдо [23, с. 192; 33, с. 18].

Таким образом, противостояние новой цинской политике в Кхаме происходило, главным образом, в виде дипломатических дискуссий и официальной позиции её порицания в кругах тибетской элиты. Далай-

лама, который находился в период 1907-1908 в провинции Цинхай, узнавал о продвижении цинских войск в Кхаме напрямую от бежавших оттуда представителей различных монастырей и бывших тибетских чиновников, а также из писем регента Три Ринпоче, глав трёх крупнейших монастырей Тибета Дрепунг, Сера и Ганден и членов тибетской Национальной ассамблеи. Находясь в тысяче километров от тибетской столицы, Далай-лама, тем не менее, участвовал в политической жизни тибетского правительства в Лхасе, назначая его членов и инструктируя их относительно складывающейся ситуации [31, с. 690]. В Лхасе тем временем не было единогласия во мнениях относительно будущего Тибета. Во-первых, сама тибетская политическая элита была разделена на консервативных сторонников изоляции от внешнего мира, энтузиастов, полагавших, что основа будущего благополучия Тибета заключается в сближении с Великобританией и приверженцев идеи о создании единого монгольско-тибетского буддийского государства при поддержке российских властей, вдохновлённых поездками Агвана Доржиева в Россию в 1898 и 1900 годах. Во-вторых, собственные проекты по дальнейшему развитию политики в Тибете вынашивали и представители цинского двора в Лхасе – уже упоминавшийся ранее амбань Лянь Юй и императорский посол Чжан Иньтан, командированный в Лхасу после подписания цинско-британского соглашения о Тибете и Индии в 1906 году. В соответствии с ним Британская Империя признавала китайский сюзеренитет над Тибетом и обязывалась не вмешиваться в его внутренние дела и не аннексировать его территорию. В ответ цинское правительство брало на себя обязательства по охране территории и внутренних дел Тибета от вмешательства иностранных государств. Цинские власти также признали свою ответственность за выплату контрибуции, возложенной на Тибет Лхасской конценцией 1904 года.

Чжан Иньтан, как и все цинские граждане обеспокоенный тем, что Тибет, как пограничная территория Цинской империи, не отвечает требованиям военной безопасности, и тем самым подвергает угрозе военного вторжения западных сил не только свои земли, но и земли соседних провинций Сычуань и Юньнань, видел решение проблемы в наращивании тибетских военных сил [18, с. 217-220]. В 1907 г. он представил перед тибетской Национальной ассамблей проект реформ, состоящий из 24 пунктов. По его предложению в Тибете был создан специальный военный комитет, задачей которого являлась ежегодная организация военной подготовки пяти тысяч тибетских солдат с целью итогового формирования из них 40-тысячной армии для охраны границ. Чжан Иньтан поощрял развитие военного духа и патриотизма среди тибетской нации, призывал простых тибетцев обзавестись оружием, которое могло бы не только защитить их в опасности, но и принести экономическую выгоду в виде дохода от занятий охотой. Вместе с тем, он также считал важным распространение в Тибете конфуцианской морали и общественных порядков – порицал распространённый в тибетском обществе промискуитет, плохую гигиену и обычай небесного погребения [18, с. 217-220]. Лхасский амбань Лянь Юй, назначенный после отстранения предыдущего амбана за взяточничество, также стремился к преобразованиям в Тибете. Предлагаемая им программа реформ предполагала внедрение традиционных китайских, а также западных принципов управления и общественного устройства в тибетскую политическую систему. Он считал важным элементом построения нового тибетского правительства его секуляризацию и ограничение политического влияния в нём религиозной элиты Тибета [18, с. 226]. Это, а также тот факт, что роль амбаней к началу XX в. воспринималась в Лхасе как малозначительная и номинальная, привело к тому, что амбань не имел в правительственных кругах Тибета

большой поддержки. Тем не менее, его совместная деятельность с Чжан Иньтаном привела к тому, что в Лхасе, как и в кхамском регионе, появились китайские школы, а также начался выпуск первой китайско-тибетской газеты “Сицзан Байхуа Бао” [42, с. 4]. В 1909 г. в Тибете начался выпуск собственных серебряной и медной монет с упоминанием цинского императора Сюаньтуна.

Несмотря на то, что освоение Кхама и реформы цинских наместников в Лхасе носили стремительный и форсированный характер, сама суть этих мероприятий не являлась чем-то новым. На протяжении всего своего правления маньчжурские власти проводили системную политику китаизации по всей Цинской империи, видя в ней основу благополучного существования и развития государства. Важно отметить, что понятие “китаизация” не означает насильственного внедрения на территориях, населённых другими этносами, неких чётко определённых истинно “китайских” элементов, поскольку с ходом естественного развития китайской цивилизации и сменой династий, сам процесс китаизации и то, что под ним понимается, неуклонно подвергался изменениям. Для маньчжурских императоров главным в политике китаизации являлось распространение и следование принципам конфуцианской идеологии, а также возможность объединить на её почве различные проживающие в империи национальности, чтобы впоследствии опираться на их поддержку [19, с. 123-155]. В течение долгого времени главным объектом проведения такой политики были народы севера Центральной Азии, а затем её фокус был смещён на внутренние и прибрежные районы империи. Кроме того, после произошедшего в Китае в 1899-1901 гг. восстания ихэтуаней, подавление которого осуществлялась силами восьми западных держав, цинское правительство взяло курс на проведение так называемой «новой политики», которая была направлена на модернизацию и

централизацию государственных структур империи. Характерными чертами этой политики стали колонизация китайской периферии и интенсивная распашка целинных земель во Внутренней Монголии, с целью их укрепления и получения возможности дать отпор растущему натиску западных государств. После того, как цинское правительство осознало уязвимость тибетских территорий в условиях западной экспансии, естественным следствием этого стало проведение политики китаизации на юго-западных рубежах. Китаизация этих регионов для цинского двора была залогом политического, экономического и социального развития, необходимого для защиты империи, а не стремлением подвергнуть население тибетских территорий наказанию или каре.

Британские власти в Индии были обеспокоены тем, как интенсивно цинский двор начал проведение мероприятий по своему упрочению в Тибете, и воспринимали это как прямую угрозу своей безопасности [25, с. 126-128]. Согласно подписанной в 1904 г. Лхасской конвенции, британские войска могли оставаться в тибетской долине Чумби до тех пор, пока цинские власти не выплатят контрибуцию в размере 500 тысяч фунтов стерлингов, а также пока рынки Ятунга, Гартока и Гьянцзе не станут функционировать в течение 3-х лет. В 1907 г. британцы были вынуждены покинуть Чумби. Правительство Британской Индии опасалось, что цинское влияние может распространиться на находившиеся в зависимости от Британской империи Сикким и Бутан. В 1908 г. были подписаны "Правила торговли с Тибетом", согласно которым цинские власти обязывались осуществлять полицейский контроль на тибетских рынках Ятунга, Гартока и Гьянцзе. Торговля британцев с Тибетом, начало которой положили установленные в 1893 г. Дарджилингские правила о торговле, связи и пастбищах, за пятнадцать лет стала важным элементом индийской экономики. После того, как

командированный в Тибет императорский посол Чжан Иньтан запретил тибетцам вступать в контакты с англичанами, положение последних на тибетских рынках несколько усложнилось. Кроме того, британские власти в Индии опасались, что распространение цинского контроля в Тибете может препятствовать британской торговле чаем, производство которого было налажено ими в Дарджилинге. Цинские власти традиционно считали продажу чая в Тибете своей монополией и в течение долгих лет ввозили его в Тибет из провинции Сычуань. Осознавая перспективу огромных убытков и угрозу политической стабильности на северных территориях, британцы стали стягивать к границам с Тибетом военные силы, и отозвали их оттуда только в 1910 г., после того, как цинский двор предоставил им письменные гарантии защиты цинскими солдатами торговых рынков Ятунга, Гартока и Гьянцзе.

По приглашению императора Гуансюя и императрицы Цыси, летом 1908 г. Далай-лама совершил визит в Пекин, где он принял участие в огромном количестве религиозных и формальных церемоний. Кроме того, он предпринял попытку уладить разногласия во взаимоотношениях с цинскими властями и добиться равноправных отношений между цинским двором и Тибетом, однако потерпел череду неудач [44, с. 108-150]. Император отказал Далай-ламе в возможности вести переписку с ним без посредничества лхасского амбана и пожаловал ему титул «верноподданного вице-регента», который, очевидно, не подразумевал никакого равноправия в отношениях между цинским правительством и тибетскими властями. Методы, использованные имперской администрацией для урегулирования этих отношений, вполне очевидны из того факта, что тибетскому первосвященнику были даны инструкции тщательно соблюдать цинские законы, подчиняться лхасскому амбаню и призывать к этому всех

остальных тибетцев. Кроме того, цинские власти возмутили регулярные контакты тибетского первосвященника и британских представителей, в ходе которых он стремился наладить дружественные отношения с Великобританией.

Таким образом, вход цинских войск в Лхасу в 1910 г. был неудивителен и неизбежен. Во-первых, формально цинские власти должны были выполнять заключённые в 1908 г. с Великобританией договорённости о полицейском контроле на тибетских рынках, требовавшей увеличения цинского гарнизона в тибетской столице. В действительности цинский двор, конечно, мало беспокоила успешная торговля британских подданных на тибетских рынках. Напротив, снижение оборотов британской торговли, составляющей серьёзную конкуренцию китайской продукции, было выгодно цинским властям. Во-вторых, увеличение количества цинских войск в Лхасе должно было также способствовать установлению эффективной обороны тибетской территории от возможных британских посягательств. В-третьих, присутствие цинской военной силы в столице было естественным фактором, необходимым для продолжения политики китаизации и обеспечивавшим слаженное функционирование новосформированных институтов управления в Лхасе. В-четвёртых, просьбы об увеличении цинского гарнизона в столице регулярно поступали к императору от цинской администрации в Лхасе – амбаня Лянь Юя, который, хоть и выступал против радикальных изменений в управлении Тибетом и превращениями его в цинскую провинцию, тем не менее, ощущал общую атмосферу неповиновения в тибетском правительстве и опасался всплеска тибетского сепаратизма. В-пятых, стремлению Цинов усилить свой военный контроль над центральным Тибетом способствовало поведение Далай-ламы в Пекине, зародившее у сановников имперской администрации подозрение в том, что он

продолжит заниматься плетением интриг в Лхасе. В-шестых, несмотря на предпринятые Чжан Иньтаном в 1907-1908 гг. мероприятия по формированию тибетского ополчения для противодействия внешней угрозе, на протяжении всего существования Цинской империи Тибет во время внешних и внутренних вооружённых конфликтов демонстрировал свою зависимость от цинского правительства, будь то военное вмешательство или дипломатическое урегулирование [13, с. 142-143].

В декабре 1909 г. Далай-Лама вернулся из Китая в Лхасу. Он был встречен истосковавшимися по своему религиозному лидеру тибетцами с большим почётом, и стремился также продемонстрировать народу, что с его возвращением в столицу, наконец, пришёл конец самовластию цинских чиновников в Тибете. Чеканка монет с упоминанием цинского императора была прекращена, вместо неё стали печатать новую монету – с изображением тибетского снежного льва и надписью “Ганден Пхобранг (тиб. тибетское правительство) – победоносное во всём”. Для скрепления официальных документов Далай-лама стал использовать новую золотую печать, гласящую, что её держатель – властитель трёх миров, буддийский авторитет во все времена и во всем мире, а также неизменный и всеведущий царь, почитаемый людьми и богами. Было учреждено новое, независимое от цинской администрации Министерство иностранных дел, главами которого были назначены тибетцы Гьялцэн Пунгцок и Ринчен Вангьел [31, с. 707-708]. Цинский амбань Лянь Юй был обвинён в заговоре против тибетского народа, выражающемся в его нежелании передавать императору требования тибетских чиновников отозвать цинские армии из восточного Тибета. Тем не менее, несмотря на самоуверенность вдохновлённой возвращением духовного лидера тибетской администрации, цинские власти уже дали приказ генералу сычуаньской армии Чжун Ину

отправиться в Лхасу с двумя тысячами недавно обученных солдат [18, с. 231-232]. Узнав об этом, Далай-лама отправил срочные телеграммы в Калькутту и Пекин, требуя прекратить продвижение цинских солдат в Тибете. Тибетское правительство отправило своего представителя навстречу цинским войскам, чтобы убедить их повернуть назад, однако тибетский представитель был убит [31, с. 708]. Вопреки не вполне ясным расчётам тибетских дипломатов, цинская армия продолжала выполнять императорский приказ и продвигаться к Лхасе. Когда в Лхасу вошли авангардные цинские войска под предводительством офицеров Чжан Хуншэна и Чжан Баочу, Далай-лама принял решение вновь покинуть Тибет. Административные полномочия на время своего отсутствия он передал в руки регента Три Ринпоче.

Погоня за ним, тотчас организованная имперскими властями, не увенчалась успехом, благодаря самоотверженному поведению преданных ему соратников, задержавших цинских солдат на переправе Чакзам неподалёку от Лхасы, и британского торгового агента на рынке в Ятунге Дэвида Макдональда, укрывшего Далай-ламу и его свиту на постоялом дворе британских коммерсантов [23, с. 194]. Тогда цинское правительство издало срочный декрет, низлагавший Далай-ламу с поста главы тибетского буддизма и отрицавший его природу как перерождения Будды. Цинскому амбаню в Лхасе предписывалось немедленно провести поиск нового Далай-ламы [23, с. 199]. Узнав об этом, британский министр по делам Индии Джон Морли, до этого опасавшийся, что перспектива укрытия главы Тибета на территории Британской империи может негативно повлиять не только на цинско-британские отношения, но и подвергнуть угрозе пригималайские государства Сиккима, Непала и Бутана, принял решение принять Далай-ламу как частного гостя в Дарджилинге и предоставить ему резиденцию [28, с. 123-126].

Несмотря на предпринятые в предшествующие годы попытки тибетского правительства добиться восприятия Тибета как независимого и равноправного по отношению к другим государства, которое выражалось в непринятии заключённых без их участия соглашений, обучении тибетского военного ополчения, чеканки собственной монеты, для правительств Великобритании и России по соглашению 1907 г. “тибетский вопрос” был к этому времени уже официально улажен. Политический принцип взаимоотношений “патрона-милостынедателя”, который, по мнению тибетцев, определял характер их связи с Цинской империей, плохо сочетался с западными концепциями М. Вебера, Дж. Локка и Т. Гоббса, объединяемых идеей о том, что государство должно быть способно защитить своих граждан от внешних врагов [13, с. 145]. Поскольку для Тибета эту функцию выполняло цинское правительство, Россия и Великобритания приняли решение о признании его сюзеренных прав в Тибете и обязывались осуществлять внешние контакты с ним только через посредство цинских властей. Демонстрация внешних признаков независимого государства, которой тибетские власти придавали большую важность, в действительности была начата слишком поздно – после основных событий, определивших позицию иностранных государств [7, с. 23]. Цинская империя к 1910 году также вполне ясно дала понять свою позицию в отношении тибетских территорий – вопрос о превращении центрального Тибета в цинскую провинцию был для императора и его чиновников лишь делом времени. В этих условиях Далай-лама, приверженный идее независимости своей страны и сохранения самобытности её культуры, принял в определённом смысле верное решение. Далай-ламы в Тибете, вопреки своему священному статусу, и можно даже сказать, именно по причине этого статуса, не обладали возможностью придерживаться политического мнения, расходящегося с

мнением цинских властей – они рисковали оказаться в долгой ссылке (как Далай-лама VII в 1728-1735 гг.), погибнуть при туманных обстоятельствах (как Далай-лама IX, Далай-лама X, Далай-лама XI или Далай-лама XII), или вовсе быть заменены и стёрты из летописей истории (как это произошло с Далай-ламой VI Цангье Гьяцо, который умер при невыясненных обстоятельствах в 1706 г.). Осознавая это, Далай-лама бежал в Индию и, таким образом, вновь поднял среди общественности “тибетский вопрос”. Его отказ принимать британскую позицию о невозможности вмешательства Великобритании во внутреннюю политику Цинской империи, стремление возобновить контакты с российскими властями и упорные требования помочь Тибету противостоять цинскому продвижению не позволили “тибетскому вопросу” оказаться заматым и обеспечили его дальнейшую жизнеспособность в политических и исторических спорах.

Первые вошедшие в Лхасу цинские солдаты были тут же объединены с личным охранным гарнизоном амбана Лянь Юя [18, с. 232-237]. С помощью этого войска цинская администрация в Лхасе в лице упомянутого амбана стала проводить изменения в составе тибетского правительства. Ассистент регента Три Ринпоче Пунгцок Неуцаг был арестован и отправлен в ссылку. Калоны, утверждённые Далай-ламой, также были арестованы и смещены с должностей, а вместо них были назначены новые чиновники. Возле домов прежних калонов стояли вооружённые цинские солдаты, которые регулярно врывались в них и конфисковали имущество. Они приняли на себя выполнение полицейских функций и патрулировали улицы Лхасы. На переправе Чакзам, через которую Далай-лама покинул город несколькими днями ранее, был установлен пропускной пункт, пересечь который можно было только имея на руках письменное разрешение амбана. Ограничивалось почтовое и транспортное сообщение с Индией.

Цинские солдаты заняли дворцы Потала и Норбулинка и захватили монетный двор, казначейство и оружейный завод [31, с. 727-728]. Отношение тибетцев к этим мероприятиям вовсе не было сдержанным. Ещё до появления в Лхасе цинских войск, зная об их приближении, тибетцы вооружались и отправлялись им навстречу. В сентябре 1909 г. тибетские отряды, вооружённые факелами и мечами, пытались преградить путь армии Чжун Ина в Маркхаме в восточном Тибете. Молодые цинские солдаты, чей путь в Лхасу занял пять месяцев, ощущали недостаток запасов, транспортных средств и одежды, и были вынуждены для борьбы с тибетскими партизанами вызывать для подкрепления войска Чжао Эрфена. В феврале 1910 г. тибетцы вновь напали на цинскую армию в районе Гьямда. Ошеломленные яростным тибетским сопротивлением, цинские солдаты вошли в Лхасу в некотором смятении, и, рассчитывая подавить тибетское население, несколько раз выстрелили в воздух [20, с. 92-94]. Поведение цинских солдат и последующая деятельность цинской администрации возмутили тибетское общество, поэтому люди отказывались сотрудничать с новыми хозяевами Лхасы, срывали объявления и протестовали. Попытки цинской администрации исправить сложившуюся ситуацию, призвав в сентябре 1910 г. Далай-ламу вернуться в Тибет или привлечь Панчен-ламу к исполнению функций Далай-ламы в его отсутствие в январе 1911 г., не увенчались успехом.

По мере продвижения новой цинской политики в Лхасе настроение британских властей на цинско-индийской границе также становилось более тревожным. Британские дипломаты обращались к цинскому правительству с жалобами на поведение амбаня, сосредоточивавшего в своих руках единоличную власть в городе. Амбань Лянь Юй стремился наладить надёжное сообщение между Лхасой и восточным Тибетом, что являлось сложной задачей в условиях враждебности непокорённых

местных тибетских племён. Для этого в 1910 г. войска Чжао Эрфена, уже зарекомендовавшие себя в освоении тибетских территорий, переместились в Заюл и Поме, районы на границе с Ассамом, находившимся под неформальным контролем британских властей. В 1911 г. до британской администрации дошли слухи об усилении цинского влияния в деревне Пяньма на границе с Бирмой, также находившейся под британским протекторатом. Власти Британской Индии направили в Пяньму экспедицию, появление которой Цинская империя расценила как вторжение на цинскую территорию. Министерству иностранных дел Великобритании удалось уладить этот конфликт, однако отношение британской администрации в Индии к распространению цинского влияния на приграничных территориях осталось крайне болезненным [28, с. 140-145].

Накалялась обстановка и среди цинских формирований. Многочисленные финансовые трудности и иностранные долги цинского правительства естественным образом сказались на всех сферах жизни империи, включая регулярность выплат солдатам их жалований. После прибытия в город основной части цинских войск во главе с генералом Чжун Ином, амбань отстранил его от управления армией и назначил вместо него своего соратника Ло Чанци [18, с. 232-237]. Это привело к сильному недовольству солдат, преданных своему командиру и находившихся в постоянном напряжении из-за возможности тибетского восстания. Новый командир Ло Чанци нередко пренебрежительно относился к солдатам, прибывшим из Сычуани и Юньнани, отдавая предпочтение своим землякам из провинции Хунань. Среди солдат начались частые стычки и конфликты. Хунаньские подразделения цинской армии были широко известны своей склонностью к созданию тайных обществ, и вскоре в условиях сложившейся в Тибете ситуации среди солдат также появились подобные объединения, направленные в

основном на противостояние маньчжурским чиновникам, идеальным воплощением которых в Тибете становился амбань Лянь Юй – к примеру, общества “Го Лаухи”, “Баого”, “Общество дружбы” [31, с. 733]. Цинская армия в Тибете переставала быть единым организмом, становясь вместо этого сборищем политических и идеологических противников. Подобным образом ситуация развивалась не только на территории Тибета, но и в большинстве провинций Цинской империи, и в конечном итоге в октябре 1911 г. в Учане, за две тысячи километров от Лхасы, началось восстание, ознаменовавшее собой поворотный момент в истории Китая — Синьхайская революция.

Глава II

Революционные события в Тибете в 1911-1912 гг.

Когда новости о разгоревшейся в Цинской империи революции достигли Тибета, прежнее беспокойство в солдатских гарнизонах сменилось настоящим хаосом. Воспользовавшись невозможностью командования установить прямой контакт с Пекином, солдаты Е Луньсань, Фань Цзинь и Ли Вэйсинь возглавили мятежников [40, с. 2]. Китайские войска, на протяжении нескольких месяцев испытывавшие сильный стресс из-за нахождения во враждебном регионе, нерегулярных выплат жалования и разногласий в рядах командования, приступили к вооружённым грабёжам на улицах Лхасы. Под командованием генерала Чжун Ина китайские солдаты, угрожая нападением на дворец Далай-ламы Потала, вынудили тибетское правительство выплатить им 250 тысяч рупий, однако и эта сумма была ими вскоре истрачена. Имперский представитель Цянь Сибао организовал заговор против амбана Лянь Юя, и амбань был схвачен разъярёнными цинскими солдатами, а его резиденция подверглась разорению [40, с. 2-3]. Вместе с тем, беспорядки в Лхасе едва ли носили революционный характер. Во-первых, несмотря на то, что войска свергли Лянь Юя, прямого представителя цинского правительства, они поддержали передачу его обязанностей Цянь Сибао, который также являлся цинским чиновником. Во-вторых, погромы, производившиеся взбунтовавшейся армией, нередко сопровождались традиционным лозунгом “цинъван” (勤王), подразумевающим преданность императору и защиту трона от опасности. В-третьих, большинство солдат в своих действиях не руководствовались какими-либо революционными убеждениями, а скорее следовали за своими командирами – генералом Чжун Ином и активно проявившими себя во время беспорядков

капитаном охраны нового амбана Янь Буюнем, секретарём цинской делегации Хэ Гуансе и капитаном императорской гвардии Го Юаньчжэнем [40, с. 3-4]. Несмотря на ранее упоминавшееся существование в армии тайных революционных обществ, целью которых было распространение идей о свержении цинской власти среди военнослужащих, а также большое количество солдат, прибывших в Тибет из Сычуани и Хунани – провинций, в которых мятежные настроения, связанные с тяжёлым налоговым гнѐтом и национализацией Цинским правительством железных дорог, начались ещё в летние месяцы 1911 г., большая часть войск чинила разбой в Лхасе и занималась мародѐрством, следуя своим собственным деструктивным импульсам [16, 150-153; 28, с. 372].

Войска Чжао Эрфена, отправленные в 1910 г. на освоение граничащих с Ассамом районов Заюл и Поме, встретили там неожиданно упорное сопротивление тибетцев и не смогли завершить кампанию. С началом революции их командиры, потеряв связь с правительством Сычуани, приняли решение двигаться в направлении Лхасы для того, чтобы оказать поддержку лхасским гарнизонам. На пути в столицу Тибета, деморализованные неудачей в Поме цинские войска атаковали и разграбили несколько городов и буддийских монастырей, в том числе крупный город Цетанг, а также убили одного из своих военачальников Ло Цинци, и по прибытии в Лхасу они с новым рвением присоединились к происходившим там грабежам и мародѐрству. Прибытие нового гарнизона из 800 солдат ухудшило и без того плачевное финансовое состояние военной администрации генерала Чжун Ина в Лхасе, и в поисках средств к существованию китайские солдаты принялись продавать тибетцам в Лхасе даже своё оружие [28, с. 372]. Излишне говорить о том, к чему это привело – глубокое возмущение лхассцев беспорядками, производившимися цинской

администрацией на протяжении нескольких месяцев, и массовыми погромами китайских солдат вылилось в вооружённое противостояние между жителями Тибета и китайскими гарнизонами. В восточном Тибете ситуация складывалась аналогичным образом – результатом отсутствия контактов армии с центральным правительством в Пекине, невыплат солдатского жалования и скопления революционной энергии стало восстание в столице Сычуани Чэнду, в ходе которого был убит глава мероприятий по освоению Кхама Чжао Эрфен [28, с. 159]. Жители многих районов восточного Тибета, узнав о его смерти, также начали восстания против цинской администрации и полностью или частично вышли из под китайского контроля. Одними из крупнейших центров неповиновения китайским властям в Кхаме стали районы Чамдо, Побо и Сянчжэн. Далай-лама, находившийся в Дарджилинге, также не остался безучастным к подъёму антикитайской борьбы в Тибете. Проведя религиозный ритуал, посвящённый свирепому буддийскому божеству Мамо Трукконг (тиб. *ma mo'i 'khrug skong* – полная ярость Мамо), Далай-лама принял решение о создании в Индии военного комитета, координирующего деятельность тибетских ополчений в разных районах Тибета. Тайная тибетская военная делегация была направлена из Дарджилинга на помощь своим соотечественникам в Шигадзе и Гьянцзе [45, с. 201-222]. Генералам Джампа Тендару и Норбу Вангьелу предписывалось взять на себя вербовку тибетских солдат, проходивших военную подготовку в 1907-1910 гг. по инициативе цинского посла Чжан Иньтана, организацию массовой скупки у отчаявшихся китайских солдат оружия и боеприпасов и военное обучение тибетского населения для изгнания китайских гарнизонов из всех районов Тибета. Чиновник Цедрунг Дема Дзойпа также получил от Далай-ламы указания отправиться в Кхам и организовать среди его населения сплочённый тибетский фронт для сопротивления китайцам.

В своём обращении к кхамским жителям Далай-лама призывал их объединиться против угрозы драгоценной буддийской религии, которую, по его мнению, несли цинские солдаты [31, с. 735-736].

Несмотря на эти патриотические воззвания, далеко не все жители Тибета оказывали ожесточённое сопротивление солдатам бывшей Цинской империи. Губернатор провинции Сычуань Ху Цзинъюнь, отвергнув мысль о перспективе выхода территорий восточного Тибета из под его контроля в результате революционных потрясений, принял решение следовать политике Чжао Эрфена и продолжить освоение Тибета китайскими переселенцами вплоть до Лхасы. Главнокомандующим китайскими войсками в Кхаме был назначен Инь Чанхэн, возобновивший военное наступление на тибетские районы [23, с. 374]. Возвращение китайских войск было встречено в некоторых районах Тибета, таких как Чагла и Дэрге, с покорностью [30, с. 101-102]. Личные войска Панчен-ламы в Шигадзе, куда были направлены тибетские солдаты из Дарджилинга, также изъявили нежелание участвовать в антикитайской борьбе. Даже среди духовенства Тибета призывы Далай-ламы бороться с китайскими захватчиками во имя сохранения буддийской религии не всем казались достаточно убедительными – послушники монастыря Лоселинг отказались противостоять китайским солдатам [40, с. 8]. Согласно Г. Таттлу, для многих тибетцев главным фактором для разделения мира по принципу “свой-чужой” являлась не принадлежность к какой-либо нации, а религиозное самоопределение в качестве буддиста. С появлением в Китае в XIX в. идеи о глобальном паназиятском буддизме, приравнивающей ценность иных буддийских традиций к основной для китайцев ветви китайского буддизма и позволяющей оказывать совместное противостояние западному коммерческому и идеологическому влиянию, многие китайские буддисты обратились к

тибетским традициям и занялись активным изучением буддизма в монастырях Тибета. Таким образом, многими тибетскими ламами китайские солдаты не воспринимались однозначно отрицательно, и их нетибетское происхождение не превращало их в глазах тибетского духовенства в заклятых врагов [38, с. 69-70]. Такую точку зрения официально выразил один из трёх главных монастырей Тибета – Дрепунг, что привело к его конфликту с двумя другими крупнейшими столичными монастырями – Сера и Ганденом [23, с. 375]. Единого мнения по вопросу противоборства с китайскими солдатами не было и среди тибетского правительства – калон Царонг Шапе, назначенный на свою должность ещё до того, как Далай-лама принял решение покинуть Тибет в 1910 г., также сотрудничал с китайской стороной [40, с. 8]. Однако многие тибетцы противостояли китайским захватчикам упорно и весьма эффективно, особенно в сельской местности и труднодоступных горных районах – малочисленные цинские гарнизоны, находившиеся в Шигадзе и Гьянцзе, столкнувшись с яростным сопротивлением местных жителей, безотлагательно обратились к индийскому правительству с просьбой организации их выезда из Тибета [23, с. 372].

12 февраля 1912 г. было подписано отречение от престола последнего цинского императора Пу И, а в марте президентом новой Китайской Республики был объявлен Юань Шикай. В это же время изнемождённые недоеданием и регулярными вооружёнными столкновениями генерал Чжун Ин и его войска предприняли первую попытку провести с тибетским населением переговоры об отбытии китайских гарнизонов из Лхасы через территорию восточного Тибета. Тибетцы, опасаясь соединения китайских войск с остатками военных сил в Кхаме, отвергли предложения Чжун Ина, и вооружённые столкновения возобновились [23, с. 372-373]. Вместе с тем, тибетский

историк В.Д.Шакабпа утверждает, что тибетцы предоставили китайским солдатам всё необходимое для того, чтобы они покинули Лхасу – 180 тысяч юаней для покрытия дорожных расходов, транспортных животных и провизию, и были готовы выпустить их из города в направлении Кхама, заручившись одним лишь обещанием китайских офицеров не воссоединяться с цинскими армиями в восточном Тибете и не грабить на своём пути тибетских жителей [31, с. 736]. Тем не менее, китайский гарнизон не покинул Лхасу. Китайские солдаты попытались атаковать монастырь Сера, надеясь укрепиться в нём и исправить своё бедственное положение, однако благодаря разведке тибетских генералов Джампа Тендара и Норбу Вангьела на защиту монастыря встало большое количество вооружённых тибетцев из разных районов [31, с. 737-738]. Нападение на одну из главных буддийских святынь Тибета стало поворотным событием в развернувшемся между китайскими солдатами и жителями Тибета конфликте – с этого момента между двумя сторонами началась полномасштабная война. Продолжительная осада монастыря не увенчалась для китайцев успехом, и борьба в Центральном Тибете продолжалась до тех пор, пока китайской армии не удалось закрепиться в монастыре Тенгйелинг. Провизия монастыря позволила армии Чжун Ина восполнить свои силы, однако после того как её запасы подошли к концу, китайские солдаты и оставшиеся в Тенгйелинге монахи вновь оказались в опасной ситуации. Вместе с некоторыми солдатами в монастыре оставались их тибетские жёны. Несмотря на то, что в окружении оказались не только вражеские солдаты, но и несколько тибетских жителей, тибетские войска подвергали Тенгйелинг ежедневным атакам, а также установили строгий контроль на всех дорогах, ведущих в Лхасу, для того чтобы у китайских солдат не оставалось никаких шансов обеспечить себя продовольствием.

Окружённым китайским солдатам, которые уповали только на возможное прибытие подкрепления из восточного Тибета, приходилось убивать своих лошадей, ловить монастырских собак и ослов и употреблять в пищу оставшиеся в запасниках монастыря мешки из под масла и риса и изделия из кожи [40, с. 5-6]. Некоторые жители Тибета, особенно монахи Дрепунга, были категорически не согласны с проявляемой тибетским ополчением жестокостью по отношению к осаждённым солдатам и предпринимали тщетные попытки им помочь. За снятие осады выступал также и Панчен-лама [40, с. 8].

В апреле 1912 г. из Дарджилинга в Лхасу прибыл назначенный Далай-ламой главнокомандующим тибетской армией Дасанг Драдул – преданный приверженец Далай-ламы, который проявил себя ещё в 1910 г. во время побега Далай-ламы из Лхасы, задержав цинских солдат на переправе Чакзам. Он воодушевил тибетцев на упорное продолжение осады Тенгйелинга [31, 739-740]. В это же время сычуаньская армия под предводительством Инь Чанхэна перешла в активное наступление в восточных районах Тибета. Сычуаньские солдаты подавили антикитайские восстания в Чамдо, Батанге и Маркхаме, и, как уже упоминалось ранее, восстановили китайскую администрацию в Чагла и Дэрге. Назначенные во время кампании Чжао Эрфена в 1906-1910 гг. на должности цинской администрации бывшие тусы и главы монастырей, стремившиеся к официальному возвращению своих прав и полномочий при новом республиканском правительстве, принимали условия китайской армии [30, с. 100-101]. В мае 1912 г. новое республиканское правительство в Пекине издало декрет о союзе пяти народов, входящих в состав Китайской Республики. Ханьцы, маньчжуры, монголы, уйгуры и тибетцы объявлялись равноправными подданными нового правительства. Глава монастыря Гонлунг в Цинхае Тукван-хутухту выразил своё одобрение этого принципа в личном обращении к Юань

Шикаю, назвав его соответствующим учению Будды в отношении общечеловеческого равенства на пути к спасению [30, с. 102-103]. Одобрение новой республиканской политики выражал также известный в Китае тибетский лама Чангкья-хутухту – линия перерождений Чангкья на протяжении нескольких столетий возглавляла тибетские монастыри не только на территории восточного Тибета, но и в во Внутренней Монголии, Пекине и других китайских провинциях, и практически полностью опиралась на финансовую поддержку бывшего цинского правительства. Стремясь сохранить своё положение, Чангкья-хутухту не только признал правительство Юань Шикая, но и призывал в 1912 г. нового президента Китайской Республики не проводить конфискации собственности буддийских монастырей ради укрепления отношений с тибетскими подданными [38, с. 75-77]. Таким образом, уверенность нового китайского правительства в успешном разрешении тибетского вопроса постепенно возрастала, и сычуаньская армия продолжала своё продвижение в Кхаме.

Тем не менее, силы осаждённых в монастыре Тенгйелинг в Лхасе китайских войск в это время были уже на исходе, и командующий ими генерал Чжун Ин предпринял вторую попытку провести с лхасским ополчением переговоры о возможности вывода китайских гарнизонов из Тибета, на этот раз через территорию Индии. Однако и на этот раз тибетская и китайская стороны не смогли достигнуть согласия – тибетская армия была готова выпустить китайских солдат из осаждённого монастыря только при условии их полного разоружения, на что китайцы не могли согласиться. Трёхдневное перемирие закончилось возобновлением военных действий [23, с. 374-376]. Между тем, в скором урегулировании вооружённого конфликта в Лхасе были заинтересованы не только осаждённые солдаты генерала Чжун Ина и несколько месяцев живущие в условиях военного положения горожане.

С началом столкновений на находящиеся на границе между Тибетом и Индией рынки Ятунга, Гартока и Гьянцзе хлынули потоки тибетских беженцев и европейских граждан, находившихся на территории Тибета, в поиске британской защиты [28, с. 160]. Постоянные вооруженные столкновения на рубежах Тибета отрицательно сказывались также на торговых отношениях тибетцев и непальцев. Панчен-лама, который оказался в трудном положении из-за своих взглядов на тибето-китайский конфликт и его прежней вовлечённости в тесное сотрудничество с цинской администрацией в Лхасе, надеялся на возвращение лояльности тибетцев и правительства Далай-ламы после мирного разрешения военного конфликта. Сам тибетский первосвященник тоже стремился как можно скорее вернуться в Лхасу, и поэтому делал всё возможное для того, чтобы способствовать полному выводу китайских войск с территории Тибета [23, с. 375]. Он обращался к китайским солдатам, напоминая, что каждому из них были предоставлены финансовые средства и провизия для того, чтобы вернуться на родину.

“...Далай-лама совместно с тибетским правительством отправил китайцам и тибетцам из Калимпонга в Лхасу официальный документ с печатью о том, что живущие в Тибете китайские офицеры и солдаты должны остановить повальные грабежи и [прекратить] внутренние беспорядки из-за прекращения выплат, и, согласно [данному ими] обещанию вернуться обратно при возвращении доходов, получив данные им около ста тысяч [юаней], должны незамедлительно вернуться назад, [не требуя] от людей, чтобы им помогли с лошадьми, быками и провизией. ...”
– (из биографии Далай-ламы XIII Туптен Гьяцо [45, с. 201-222])

Вместе с этим, в заявлении к своим подданным он призывал всех тибетцев приложить все усилия для того, чтобы изгнать захватчиков из Тибета, подчёркивая, что любой вклад в это благое для буддизма дело будет оценён им по достоинству. Многие преданные Далай-ламе тибетцы восприняли его обращение как прямые указания к

истреблению как можно большего количества китайских солдат. Особенную непримиримость к бывшим цинским войскам демонстрировали ламы монастырей Сера и Ганден. Они выражали своё неодобрение по отношению к переговорам, проводившимся между тибетским ополчением и китайскими солдатами, стремясь к прямому выполнению буквы указа Далай-ламы [28, с. 160-161]. В конце мая группа разъярённых монахов монастырей Сера и Дрепунга вместе с несколькими сотнями тибетских мирян ворвались на заседание кашага в Потале, арестовали назначенных цинской администрацией тибетских калонов и их помощников и застрелили пятерых из них [31, с. 740].

Призывы Далай-ламы, в практическом отношении не способствующие урегулированию военных столкновений, а лишь разжигающие противостояние между тибетцами и китайскими солдатами, воспринимались британскими властями в Индии негативно, поскольку они были заинтересованы в сохранении мирного порядка в Тибете, граничащем с территориями, находящимися под британским управлением [28, с. 161-162]. Тем не менее, необходимость сохранения доброжелательных отношений с тибетским первосвященником и его правительством, стабильное положение которых в Тибете являлось гарантией исполнения соглашений, подписанных в 1907-1908 гг., и ограничения китайского контроля в приграничных районах, не позволяло британским властям открыто выражать своё недовольство. Опасаясь угрозы нового сближения Далай-ламы с российским правительством в случае его неудовлетворённости британской политикой, правительство в Калькутте обеспечивало благоприятные условия для его жизни в Дарджилинге и при последующем переезде в Калимпонг, куда Далай-лама переместился для того, чтобы иметь возможность как можно скорее вернуться в Лхасу. Согласно биографии Далай-ламы, за два года его пребывания в Индии были организованы

два масштабных празднования тибетского Нового года в Дарджилинге и Калимпонге, проведено большое количество религиозных обрядов и церемоний, установлены близкие отношения с представителями граничивших с Тибетом районов – правителем Сиккима, Бутана и Непала, а также чиновниками из ближайших индийских селений и представителями государственных служащих Богдо-ханской Монголии. Правительство Далай-ламы, находясь в десятке тысяч километров от Лхасы, не только направляло в Тибет официальные обращения и инструкции для тибетских жителей, но и принимало решения о назначениях официальных лиц. Так, после аудиенции, которую Далай-лама дал королю Бутана Угьен Вангчуку, его сын Соднам Тобгьел был возведён в ранг члена тибетского правительства. Также тибетского первосвященника регулярно посещали представители глав трёх главных монастырей Тибета – Дрепунга, Сера и Гандена, монахи дацанов Шиде и Сераче, многочисленные аристократические семьи и простые верующие из буддийских районов, а также интересовавшиеся буддизмом европейцы. В марте 1912 г. Далай-лама встретился с французской исследовательницей Александрой Давид-Неель.

“...Он ответил на один за другим заданные [ей] грубые вопросы о происхождении буддизма в соответствии со способностью начинающих простых людей понимать, и [она] сразу записала его ответы, чтобы распространить [их]...”

– (из биографии Далай-ламы XIII Туптен Гьяцо [45, с. 201-222])

Свободное время, согласно этим записям, Далай-лама проводил, старательно изучая медицинские труды. Он также отметил высокий уровень поддержки, оказываемый свите Далай-ламы британскими властями: в Дарджилинге и Калимпонге были созданы специальные тибетские поселения, которые находились под усиленной охраной британских войск. Пожилые тибетские семьи располагались в этих

поселениях в отдельных жилищах для двоих, и британские чиновники гостеприимно приветствовали всех переселенцев горячим чаем. Кроме того, британская администрация брала на себя все расходы по проживанию тибетцев, а также селила представителей тибетского правительства в домах, оснащённых водопроводом [45, с. 201-222]. Таким образом, британское правительство в Индии стремилось к поддержанию благорасположенности Далай-ламы и надеялось на скорейшее разрешение тибетского военного конфликта. Установление нового республиканского режима в Китае, возглавляемого Юань Шикаем, и провозглашение в мае 1912 г. принципа союза пяти народов Китайской Республики, согласно которому тибетцы получали право направить своих представителей в столицу для участия в работе парламента, стало новой причиной для беспокойства британских властей. Подписанные в 1907-1908 гг. соглашения между Великобританией, Россией и Цинской империей предполагали признание британскими властями сюзеренитета Цинской империи над территорией Тибета и право цинских войск на охрану территории и внутренних дел региона от иностранного вмешательства, при сохранении самостоятельности тибетского правительства в вопросах внутреннего управления [28, с. 167-169]. Признание тибетцев равноправными китайскими подданными символически означало полное включение Тибета в состав нового государства, и британские власти расценили действия правительства Юань Шикая как нарушение ранее подписанных договоров. Продвижение китайских войск под командованием Инь Чанхэна в восточном Тибете также беспокоило британскую администрацию, и Калькутта потребовала от Юань Шикая немедленного прекращения военного наступления в Кхаме. Правительство Китайской Республики в Пекине, однако, к этому моменту ещё не добились полного и безоговорочного подчинения от

провинциальных губернаторов бывшей Цинской империи, и несмотря на свои попытки повлиять на движения китайской армии в восточном Тибете, не могло противодействовать упорному стремлению сычуаньского губернатора Ху Цзиньиня вернуть тибетские территории Кхама под китайский контроль. Тогда британские власти заявили, что решение тибетского вопроса является одним из главных условий, необходимых для официального признания Великобританией Китайской Республики как государства [28, с. 169-171]. Таким образом, к началу лета 1912 г. задача вывода китайских войск из Тибета приобрела международное значение.

3 июля 1912 г. генерал Чжун Ин, находящийся в осаждённом монастыре Тенгйелинг вместе со своими войсками, получил телеграмму от пекинского правительства с указанием на необходимость прямого обращения к Далай-ламе для проведения переговоров о выводе китайской армии из Тибета. 26 июля генерал совместно с бывшим цинским амбанем Лянь Юем, который вместе со своим охранным гарнизоном также находился в заточении в своей резиденции в Лхасе, обратился к Далай-ламе с просьбой лично позаботиться о сложившейся в городе ситуации. Генерал, осознанно или нет, лгал, сообщая тибетскому первосвященнику о том, что цинские гарнизоны на трёх основных путях, соединяющих Лхасу с провинциями Сычуань, Юньнань и Ганьсу, отступают в Китай и не представляют опасности для тибетских территорий, и вместе с тем, совершенно справедливо отмечал, что тибетские жители, на протяжении нескольких месяцев штурмующие китайские укрепления, действуют из последних сил и нуждаются в перемирии не меньше китайских солдат [40, с. 6]. Далай-лама, за несколько дней до этого торжественно покинувший Калимпонг, находился в монастыре Самдинг в 150 километрах к югу от тибетской столицы в сопровождении британского главы полицейской службы в

Индии сиккимско-тибетского происхождения Соднам Вангпел Легдена. Для ведения переговоров он направил в Лхасу тибетского премьер-министра Чангкхымпу, представителя дацана Сераме Цаву Тритрула и чиновника Тензин Гьялцена. Для содействия успешному ведению переговоров британские власти также отправили в Лхасу своего представителя в Непале гуркха Лай Бахадура. В ходе переговоров было принято решение о том, что китайские солдаты передадут своё оружие и боеприпасы представителям обеих сторон и непальскому представителю Великобритании, которые поместят их на хранение в оружейные склады тибетского правительства. Китайские солдаты требовали выдачи своих сослуживцев, переметнувшихся в ходе сражений на тибетскую сторону, и эта передача была осуществлена после того, как непальский представитель согласился взять на себя ответственность за их безопасность. 23 августа 1912 г. несколько сотен винтовок, 4 пулемёта “Максим” и более сотни ящиков с боеприпасами были переданы тибетскому правительству, однако бывший амбань Лянь Юй и генерал Чжун Ин настояли на том, чтобы каждый из них смог оставить по 30 винтовок для своих охранных гарнизонов. Китайские солдаты обещали покинуть Тибет через территорию Индии в течение двух недель в сопровождении тибетского чиновника при условии предоставления им со стороны тибетцев необходимого в пути количества вьючных животных, денежных средств и провианта [31, с. 744-748]. В августе Тибет покинула первая группа китайских солдат вместе с амбанем Лянь Юем. Вместе с ними из Лхасы были с позором изгнаны также те тибетцы, которые во время осады монастыря Тенгйелинг оказывали помощь китайским солдатам. 3 сентября 1912 г. генерал Чжун Ин внезапно получил от республиканского правительства в Пекине телеграмму о своём назначении на пост начальника по делам Тибета — должность, ранее не существовавшая в истории отношений

Тибета и Китая. Несмотря на возмущение тибетской стороны и её требования немедленно покинуть Лхасу, генерал Чжун Ин и его войска, опасавшиеся наказания за нарушение приказа в случае их отбытия из Тибета, остались в городе, без необходимого вооружения и практически без средств к существованию. Вооруженные столкновения в Лхасе вспыхнули вновь [40, с. 7-8].

В результате этих событий Далай-лама был вынужден провести в монастыре Самдинг в сорока часах езды от Лхасы ещё три месяца. Регулярно встречаясь с тибетским главнокомандующим Дасанг Драдулом и узнавая о ходе военных столкновений тибетцев и не успевших покинуть тибетскую территорию китайских солдат, он продолжал вести правительственную деятельность издалека – во время своего пребывания в Самдинге он назначил несколько чиновников, непрерывно посещал окрестные духовные святыни, проводил религиозные церемонии, давал аудиенции главам монастырей и мирянам по личным и общественным делам и учредил в Самдинге благотворительный фонд для раздачи подношений [45, с. 201-222]. В это время он получил телеграмму от Юань Шикая, в которой президент Китайской Республики выражал своё почтение к личности Далай-ламы, надеялся на скорое воссоединение пяти народов Китая в одну семью и возвращал главе Тибета титулы, которых его лишило цинское правительство в 1910 г. Президент Китайской Республики полагал, что этот жест, наряду с оказываемой им с 1912 г. поддержкой тибетского буддизма – политикой, на которую он, по совету ламы Чангкья-хутухту, уповал в вопросе налаживания отношений с тибетским регионом – станет для Далай-ламы долгожданной возможностью забыть все китайско-тибетские преткновения цинской эпохи. Тем не менее, тибетский первосвященник не принял предложение Юань Шикая, ответив, что он никогда не нуждался в китайском одобрении его статуса

полноправного главы Тибета [17, с. 59-61]. Правительство Великобритании также приняло официальное решение об ужесточении своей политики в отношении Китайской Республики. 12 августа 1912 г. чрезвычайный посланник Великобритании в Китайской Республике Дж. Джордан вручил китайскому министерству иностранных дел официальный меморандум, в котором выражалась британское неприятие любых действий со стороны Китая, подрывающих независимое положение Тибета, к которым относились как продвижение сычуаньских войск в Кхаме, так и поведение китайской армии в столице Тибета. Признавая право китайского правительства на ограниченное присутствие в Тибете, британцы требовали вывода китайских войск с тибетской территории под угрозой непризнания Китайской Республики на международной арене [28, с. 169-171].

Китайские гарнизоны под предводительством Чжун Ина в это время, спасаясь от тибетских атак, вновь оказались осаждены в поместье, где традиционно проживали так наз. «ябши» (тиб. *yab gzhi*) – родственники далай-лам. Оказавшиеся в таком почтенном месте китайские солдаты едва ли питали какую-либо надежду на прибытие подкрепления с востока, и были вновь вынуждены питаться мясом лошадей и собак, проведя так четыре месяца. Наконец, 12 декабря 1912 г. генерал Чжун Ин принял волевое решение покинуть Лхасу [40, с. 7]. Выбранная им стратегия не дожидаться подкрепления из Кхама была правильной. Сычуаньскую экспедицию под командованием Инь Чанхэна, выдвинувшуюся в восточный Тибет в апреле 1912 г., вскоре ждала такая же судьба, как и китайские гарнизоны в Лхасе – в ходе политической борьбы в центральном Китае они оказались забыты провинциальными правительствами Сычуани и Юньнани и брошены во враждебном районе без запасов продовольствия и боеприпасов, измотанные и совершенно деморализованные. В конечном итоге между китайскими

военачальниками в восточном Тибете вспыхнули противоречия, и гарнизоны разделились между тремя основными китайскими укреплениями в Кхаме – в Чамдо, Батанге и Дарцедо. Генерал Пэн Жишэн, обосновавшийся со своим войском в Чамдо, действительно намеревался, вдохновляясь успехами армии Чжао Эрфена в 1906-1910 гг., дойти до Лхасы и с помощью своего военного успеха заслужить должность пограничного комиссара или амбана. Однако уровень сопротивления тибетского ополчения в восточном Тибете к 1912 г. оказался намного более мощным, нежели тот, с которым столкнулись сытые и хорошо подготовленные солдаты Чжао Эрфена [34, с. 246-247].

Узнав об окончательном выходе китайских войск из тибетской столицы, Далай-лама и его свита направились в Лхасу. Торжествующие регент Три Ринпоче, премьер-министр Чангкхымпа, победоносные генералы Джампа Тендар и Норбу Вангьел, монахи Дрепунга, Сера и Гандена, чиновники тибетского правительства и ликующие толпы простых жителей Лхасы встречали главу Тибета с чувством долгожданного облегчения – его возвращение из дальнего путешествия впервые за несколько лет, казалось, не было омрачено присутствием в освобождённом городе лиц, несогласных с идеями о свободе и независимости Тибета.

Глава III

Тибет в 1912 г.

Провозглашение новым республиканским правительством принципа союза пяти народов Китайской Республики в мае 1912 г. должно было, по мнению Юань Шикая и других китайских политиков, способствовать гармонизации китайско-тибетских отношений и разрешению всех возникших в последние годы Цинской империи конфликтов. Несомненно, отчасти это было связано с традиционным для китайской культуры восприятием своей системы ценностей как некоего высшего этического и морального эталона, которое порождало веру китайских властей в то, что объявление приграничных этнических элементов равноправными с ханьцами подданными Китайской Республики и получение ими представительства в республиканском собрании повлекут за собой только положительные реакции жителей приграничных районов [12, с. 67-79; 24, с. 10]. Кроме того, правительство Юань Шикая позиционировало себя как новую силу, положившую конец слабости и разложению цинских императоров, и не собиралось брать на себя ответственность за возникшие в Тибете конфликты, перекладывая вину на прежнюю цинскую администрацию – в первую очередь на экс-амбаня Лянь Юя. Росту уверенности Юань Шикая в возможности возобновления гармоничных китайско-тибетских отношений способствовали также одобрение его политики, высказанное некоторыми тибетскими ламами, такими как Тукван-хутухту и Чангкья-хутухту, и повиновение, с которым встретили сычуаньские войска в некоторых районах Кхама главы монастырей и бывшие местные правители.

После провозглашения новым республиканским правительством принципа союза пяти народов все правительственные органы, в задачи в

которых входило управление пограничными вопросами – делами тибетцев, монголов и уйгуров, были упразднены, и их полномочия перешли к Министерству внутренних дел. Однако по мере того, как положение бывших цинских гарнизонов в Лхасе ухудшалось, и таяла надежда на скорейшее разрешение конфликта между жителями Тибета и китайскими войсками, необходимость проявления особого внимания со стороны республиканских властей по отношению к тибетскому региону становилась всё очевиднее. После того как в мае 1912 г. вторая попытка переговоров между цинскими солдатами и тибетцами о выводе китайских солдат из Тибета провалилась, и вооруженные столкновения в Лхасе возобновились с новой силой, один из китайских надсмотрщиков на границе в Гьянцзе, где, также как в Ятунге и Гарточе, в то время находилось большое количество в панике ринувшихся прочь из Лхасы тибетских беженцев и европейских граждан, Ши Юмин обратился к командующему сычуаньской экспедицией в Кхаме Инь Чанхэну с просьбой о скорейшей помощи от правительства в Пекине. 12 июля 1912 г. центральное правительство приняло решение о создании специального Бюро по делам Монголии и Тибета, находящегося под прямым управлением премьер-министра Китайской Республики Тан Шаои. Его первым руководителем был назначен Яо Сигуан [41, с. 8-11].

В сентябре 1912 г. правительство Юань Шикай предприняло очередную попытку наладить отношения с тибетской администрацией, и отправило Далай-ламе, который находился в это время в монастыре Самдинг, телеграмму, в которой Юань Шикай выражал сожаления по поводу деятельности бывшей цинской администрации в Тибете, сообщал о возвращении Далай-ламе всех несправедливо отнятых у него в 1910 г. титулов и призывал первосвященника к скорейшему установлению доброжелательных отношений с новым республиканским правительством на основе принципа союза пяти народов в Китае.

Однако, вопреки ожиданиям Юань Шикая, который считал свою политику по отношению Тибета полной великодушия и благородства, Далай-лама не принял его предложения [17, с. 59-61]. Задача устранения разногласий между республиканскими властями и тибетской администрацией была важна для Пекина не столько для обеспечения гармоничных отношений в семье пяти народов Китая, сколько являлась необходимым условием обеспечения безопасности нового государства. Если пограничное положение Тибета в условиях растущего западного присутствия в Азии и раньше вызывало в китайском обществе беспокойство, то после революционных потрясений вопрос территориального сплочения и укрепления границ стал для китайцев особенно острым. В китайских газетах “Шэньбао” и “Дунфан Цзачжи” регулярно публиковались многочисленные отчёты о ходе переговоров в Лхасе и статьи о важности строительства Сычуань-Тибетской железной дороги и ремесленного производства в Гьянцзе, возобновились дискуссии о создании провинции в Тибете и усиленно обсуждалась активность британских войск на тибетской территории, на которые китайское общество возлагало всю ответственность за нестабильность в Тибете [41, с. 4-5]. Несмотря на полученный от Далай-ламы отказ от сотрудничества с республиканскими властями, китайское правительство не оставляло попыток найти тот или иной рычаг воздействия на тибетское общество и склонить его на сторону республиканского Китая. В том же месяце в Дарджилинг отправилась группа монгольских буддийских лам-сторонников республиканского правительства, возглавляемая китайским чиновником Ян Фэном [28, 396-397]. Британская пограничная служба отказалась пропустить китайскую делегацию через тибетско-индийскую границу, поскольку ещё в августе 1912 г. британские власти вручили китайскому МИДу меморандум, выражающий их неприятие китайской политики в отношении Тибета,

и, не получив ответа со стороны китайского правительства, приняли решение о закрытии всех китайских каналов связи, проходивших через индийскую территорию. В сентябре 1912 г. Бюро по делам Монголии и Тибета было перенесено в здание бывшего цинского ведомства по делам зависимых территорий Лифаньюань, а на пост его руководителя был назначен Кунзанг Норбу, представитель монгольской аристократии, свободно владевший китайским, монгольским, тибетским и маньчжурским языками, чьи знания и опыт должны были способствовать успешной деятельности республиканского правительства в тибетском направлении. Во время своего пребывания на посту руководителя Бюро по делам Монголии и Тибета он основал Монгольско-тибетскую академию в столице, задачей которой являлось возвращение нового политически лояльного Китайской Республике поколения монгольской и тибетской молодёжи. Наряду с ней в Пекине была также создана Ассоциация монгольских и тибетских исследований, провинциальные филиалы которой были основаны в провинциях Сычуань, Хубэй, Юньнань и Гуйчжоу и стали первыми исследовательскими институтами по тибетологии в истории Китая [41, с. 10-14]. Бывший руководитель Бюро по делам Монголии и Тибета Яо Сигуан, перешедший на пост руководителя ещё одной созданной в республиканском Китае организации, занимающейся вопросами приграничных территорий – Северо-западной Ассоциации, в это время занимался изданием специального журнала “Сибэй Цзачжи”, целью которого объявлялось “укрепление общества и объединение нации ханьцев, маньчжуров, монголов, тибетцев и уйгуров для создания прочной основы Китайской Республики”. В нём печатались регулярные новостные сводки о деятельности правительства в приграничных районах, научные исследования, статьи и рассказы об этнических меньшинствах республики. При этом одна из основных идей,

продвигавшихся в этом издании, заключалась в оправдании необходимости настойчивого и жёсткого подхода к решению приграничных проблем ввиду культурной и технической отсталости кочевых народов, которыми в том числе считались в Китайской Республике тибетцы [35]. Таким образом, продвижения сычуаньской армии под предводительством Инь Чанхэна в Восточном Тибете в основном воспринималось в китайском обществе как меры, необходимые для достижения безопасности и мира в Китайской Республике. Несмотря на то, что на протяжении нескольких месяцев в 1912 г. Юань Шикай в ответ на требования британской администрации остановить военные операции в Кхаме заявлял о своих ограниченных возможностях напрямую воздействовать на сычуаньские войска, действующие по приказу сычуаньского губернатора Ху Цзиньиня, историк Аластер Лэмб совершенно справедливо замечает, что слабость пекинского контроля над действиями сычуаньских политиков могла быть сильно преувеличена Юань Шикаем, поскольку таким образом республиканское правительство получало возможность в одно и то же время сглаживать напряжение в отношениях с британскими властями, выражая своё сожаление по поводу ситуации в Кхаме, и укреплять свои позиции на территориях восточного Тибета, не прилагая к этому особых усилий [28, с. 386-389]. В пользу этой точки зрения также говорит тот факт, что в конце августа 1912 г. губернатор провинции Сычуань Ху Цзиньинь обратился к президенту Китайской Республики с идеей возобновления начатой в 1906 г. Чжао Эрфеном деятельности по созданию на территории Восточного Тибета провинции Сикан, которая согласно новому проекту должна была включать помимо Кхама также южные граничащие с Ассамом районы Заюл и Поме. Предполагаемая граница между будущей провинцией и территорией Центрального Тибета должна была пролегать всего в четырехстах километрах от

Лхасы. Административный центр провинции Сикан должен был находиться в Чамдо, а генерал-губернатор провинции, согласно проекту Ху Цзиньиня, получал также звание начальника пограничных территорий и Тибета [23, с. 406-408]. Кроме того, в письмах, отправленных Далай-ламе главой китайской буддийской делегации, задержанной британскими офицерами в Дарджилинге в сентябре 1912 г. Ян Фэном, была ясно выражена мысль о том, что в случае отказа тибетцев принять недавнее назначение Чжун Ина на пост начальника по делам Тибета, нельзя исключать возможности скорого нападения сычуаньских войск на Лхасу [23, с. 397]. В начале ноября 1912 г. в Бюро по делам Монголии и Тибета была начата подготовка специальной дипломатической миссии в Тибет под руководством Фу Шияня, цель которой заключалась в том, чтобы убедить тибетских лидеров в необходимости возвращения к гармоничным отношениям между тибетцами и всеми остальными народами единой семьи Китайской Республики. Несмотря на то, что миссия так и не была отправлена в Тибет из-за финансовых трудностей, её подготовка свидетельствует о твёрдом намерении республиканского правительства восстановить китайский контроль над территорией Тибета [23, с. 398].

В декабре 1912 г. произошло торжественное возвращение в Лхасу Далай-ламы и его свиты. Прежде чем приступить к своим основным обязанностям, правительство Далай-ламы считало необходимым провести оценку политической атмосферы в столице, где более года проходили постоянные военные столкновения, а также выполнить ряд перестановок в рядах светских и духовных политических лидеров Тибета. Основным укрытием китайских солдат в Лхасе в 1912 г. стал монастырь Тенгйелинг, монахи которого оказывали поддержку цинскому гарнизону и во время осады монастыря выступали на одной стороне с китайскими солдатами. Часть этих монахов была изгнана из

Лхасы в конце августа 1912 г. во время эвакуации из города первых китайских войск. Теперь по приказу Далай-ламы глава монастыря Тенгйелинг также был арестован и приговорён к смертной казни. [41, с. 4] Были наказаны также монахи монастыря Лоселинг и некоторые тибетские аристократы [14, с. 8]. Вместе с тем, правительство Далай-ламы объявляло о своей благосклонности к обычным китайским гражданам, оставшимся на территории Тибета. Несмотря на преобладание в китайской исторической литературе описания эвакуации бывших цинских гарнизонов из Тибета во второй половине 1912 г. как процесса всеобщего насильственного изгнания китайцев тибетцами, Чжан Чжаоюн призывает отбросить эту формулировку как заведомо неверную, поскольку вооружённые конфликты 1912 г. в Лхасе не носили национального характера [40, с. 8-10]. Как уже было отмечено в предыдущей главе, большинство тибетцев делили мир на “своих” и “чужих” не по этническому, а по религиозному принципу, что подтверждается фактом поддержки осаждённых в Лхасе китайских солдат тибетскими монахами Тенгйелинга и Дрепунга, а также Панчен-ламой. Кроме того, одним из главнокомандующих тибетским ополчением в Лхасе являлся этнический китаец Се Голян, бывший командир цинской армии и участник японо-китайской войны 1894-1895 гг [40, с. 8-10]. Тибето-китайская торговля, главным товаром которой со времени поздней династии Тан был чай, также являлась важным элементом тибетской экономики, и даже во время военных конфликтов 1912 г. тибетские торговцы не предпочли сычуаньскому чаю британский продукт из Дарджилинга [23, с. 392]. Таким образом, тибетские военные действия 1912 г. в Лхасе были направлены исключительно против злоупотреблений бывшей цинской администрации и её гарнизонов, изгнание которых из Тибета являлось основной задачей тибетского ополчения. Назначенные цинской администрацией в 1910 г. тибетские

калоны, включая сохранившего в это время свой пост калона Царонг Шапе, введённого в тибетское правительство ещё Далай-ламой, также были убиты тибетским ополчением за сотрудничество с представителями Цинской империи. Таким образом, Далай-ламе оставалось лишь заполнить свободные места в тибетской администрации теми людьми, которые во время военного хаоса в Тибете проявили себя как наиболее преданные и храбрые защитники родины. Генерал Джампа Тендар был назначен на должность одного из калонов тибетского правительства. Главнокомандующий тибетской армии Дасанг Драдул был награждён высшим военным рангом и получил от Далай-ламы все титулы и имения, которые раньше принадлежали бывшему калону Царонг Шапе. Генерал Норбу Вангьел был также награждён монгольским военным титулом тайджи. Многие тибетские чиновники, ламы и простые жители, самоотверженно сражавшиеся за освобождение Тибета от цинских войск, получили крупные денежные вознаграждения и прочие дары от тибетского правительства. За преданность буддийским идеалам во время борьбы с цинскими захватчиками были награждены также монастыри Сера и Ганден: в их монастырские владения были включены новые обширные территории [31, с. 762-763].

Помимо наградений тибетское правительство также приняло решение о возвращении к чеканке официальной тибетской монеты с изображением снежного льва, а также введении в оборот первой банкноты – на ней также, как и на монете, красовалась надпись “Ганден Пхобранг (тиб. *dga' ldan pho brang* – тибетское правительство) – победоносное во всём”, а также были изображены снежный лев, горная вершина и две печати – Далай-ламы и тибетского монетного двора. В это же время были созданы тибетские почтовые марки, также изображавшие снежного льва и надпись “Почта тибетского

правительства” [31, с. 763-764]. Правительство Далай-ламы возобновило мероприятия по военной подготовке тибетской армии. Несмотря на то, что в 1910 г. цинская администрация отняла полицейские функции у тибетских солдат, поместила под свой контроль оружейные склады в Лхасе и прекратила деятельность тибетского военного комитета, занимавшегося военной подготовкой тибетцев с 1907 по 1910 гг., в ходе сражений с цинскими гарнизонами в 1912 г. тибетцы сумели продемонстрировать воинские отвагу и упорство. В 1913 г. в Лхасу прибыли японские офицеры Ясудзиро Ядзима и Тоган Тода, приступившие к тренировке тибетской армии по японской военной системе [31, с. 765-766]. Пока японские военные эксперты занимались подготовкой тибетских новобранцев, перед основными войсками Тибета правительством Далай-ламы была поставлена задача освобождения территорий Кхама от сычуаньских захватчиков. Добровольческие и правительственные войска, собранные из солдат районов Шигадзе, Гьянцзе, Тардзонг, Лхокха, Маркхам и Чамдо, выдвинулись в восточный Тибет под предводительством калона Джампа Тендара, который был назначен губернатором кхамских территорий. Постепенно тибетским войскам удалось занять районы Лходзонг, Кхьюнг Карнагсер и Ронгпо [31, с. 766]. Крупные районы Чамдо, Дракгьяб, Дэрге и Нангчен продолжали находиться под китайским контролем.

В это же время правительство Китайской Республики приняло решение провести встречу с британским посланником Дж. Джорданом для обсуждения врученного им ещё в августе 1912 г. и в течение нескольких месяцев остававшегося без ответа меморандума с требованием британского правительства прекратить китайское продвижение в Тибете. На этой встрече китайские власти были представлены заместителем министра иностранных дел Янь

Хуэйцином. В ходе обсуждения двум сторонам не удалось прийти к соглашению – Янь Хуэйцин настаивал на важности освоения земель восточного Тибета для китайского сельского хозяйства и выражал неодобрение в отношении индийско-тибетского сближения [28, с. 169-173]. Дж. Джордан настаивал на необходимости заключения нового соглашения о территории Тибета, угрожая китайскому правительству непризнанием Китайской Республики Великобританией. Британские власти аргументировали необходимость проведения новых переговоров о статусе Тибета в составе Китайской Республики тем, что в результате Синьхайской революции в Китае изменились форма правления и положение этнических меньшинств. Соответственно, изменился и статус тибетских территорий, который необходимо было определить в ходе совместных трёхсторонних переговоров между Великобританией, Китайской Республикой и Тибетом [23, с. 427-428]. Правительство Британской Индии рассчитывало путем этих переговоров окончательно урегулировать территориальные споры: добиться прекращения китайских притязаний на территории Непала и Бутана, убедить китайские власти признать бирманско-юньнаньскую границу, проходящую по водоразделу рек Салуин и Иравади и резко ограничить китайское присутствие в таких районах как Заюл, Поме, Пяньма и на тибетских рынках в Ятунге, Гартоке и Гьянцзе, формально не находящимися под британским контролем, но имевшими важное значение для безопасности индийских границ [23, с. 428]. Кроме того, триумфальное возвращение Далай-ламы в Тибет и возобновление его активной политической деятельности означали, что установленная в ходе потенциальных переговоров форма китайско-тибетских отношений, вероятнее всего, будет строиться на принципе широкой автономии тибетских властей. Британские власти рассчитывали, что при текущем состоянии британско-тибетских отношений, положительное

влияние на которые оказали два года, проведённые Далай-ламой в Индии, а также содействие британского представителя Лай Бахадура при эвакуации цинских гарнизонов из Лхасы, даст им возможность добиться открытия в столице Тибета своего постоянного политического представительства [23, с. 429; 28, с. 162-164]. Непризнание Великобританией Китайской Республики, которое использовалось Дж. Джорданом в качестве основного рычага давления на пекинские власти, едва ли должно было сильно тревожить китайское правительство. В случае признания Китайской Республики другими иностранными державами, Великобритания была бы вынуждена последовать их примеру. В ходе дальнейших переговоров с Китаем британские власти рассчитывали оказывать давление на Пекин также при помощи экономических санкций.

В декабре 1911 г. в Урге монгольские князья провозгласили независимое монгольское государство во главе с Богдо-ханом. В 1912 г. был подписан монгольско-российский договор, подтверждавший монгольскую независимость при сохранении отдельных экономических и дипломатических привилегий России в новом государстве. После возвращения в Лхасу правительство Далай-ламы стало стремиться к установлению дипломатических отношений с Богдо-ханской Монголией, которая до Синьхайской революции также являлась частью Цинской империи. В январе 1913 г. для проведения переговоров в Улан-Батор был отправлен сподвижник Далай-ламы Агван Доржиев. В результате переговоров между ним и монгольским дипломатом Манлай-Батор Дамдинсурэном было подписано соглашение, согласно которому правительства Монголии и Тибета взаимно признавали независимость своих государств и договаривались о политическом, религиозном и культурном союзе [31, с. 762]. Новость об этом договоре шокировала британские власти, поскольку перспектива сближения Тибета с

государством, находившимся под прямым российским влиянием, ставила под угрозу британские политические надежды на создание своего представительства в Тибете. Не менее ошеломлено этим событием было и китайское правительство, и 30 января 1913 г. министр иностранных дел Китайской Республики Лу Чжэнсян вновь обратился к Дж. Джордану с предложением продолжить обсуждение тибетского вопроса. Китайская сторона выразила готовность к проведению двусторонних переговоров по поводу нового соглашения о Тибете между Китайской Республикой и Великобританией, однако резко возражала против присутствия на этих переговорах тибетских представителей. Лу Чжэнсян предлагал ограничиться приглашением нового тибетского амбана Вэнь Цзунъяо, обладающего, по мнению китайского правительства, достаточной компетенцией для представления тибетских интересов. Несмотря на провозглашённый принцип равенства тибетцев и всех других народов Китайской Республики, пекинское правительство считало политическое развитие тибетцев и их способность к самостоятельному ведению международных переговоров недостаточными [23, с. 462-463].

Однако мнение тибетского правительства по этому вопросу было совершенно иным, и в феврале 1913 г. Далай-лама подписал специальное заявление, которое было воспринято тибетским обществом как официальная декларация независимости и свободы тибетского государства. В нём он объяснял, что Тибет находился с рухнувшей Цинской империей в особых отношениях патрона и милостынедателя, священное значение которых было попрано многочисленными цинскими вторжениями на тибетскую территорию в 1906-1910 гг. и окончательно разрушено их вступлением в столицу в 1910 г. Несмотря на то, что остатки цинских гарнизонов ещё находились в землях Кхама, благодаря отваге тибетской армии цинская администрация покинула

центральный Тибет, и отныне Тибет являлся свободным и независимым. Тибетцев, занятых земледелием, правительство освобождало от налогов на три года и обещало им последующую передачу возделываемой земли в личную собственность. Народу Тибета предписывалось продолжать поддерживать светлые традиции буддийского учения, заниматься военной подготовкой для защиты своего государства и чтить завоёванную свободу. Тибетские чиновники, согласно прокламации Далай-ламы, также должны были добросовестно исполнять свои обязанности, проводить честный сбор налогов и воздерживаться от суровых наказаний для тех, кто преступил закон. Вместе с этим для правительства Далай-ламы важной задачей являлось воспитание нового поколения тибетцев, способных эффективно управлять государством и защищать его в будущем [17, с. 60-61]. Обратившись к британским представителям в Индии, тибетские власти договорились об отправке четырёх молодых тибетцев в Великобританию для получения образования в одной из наиболее престижных британских школ Рагби в Уорикшире. Сопровождение юношей в Великобританию было поручено чиновнику Лунгшар Додже Цегьелу [22, с. 325].

Генерал Чжун Ин, покинувший Лхасу в декабре 1912 г., тем временем продолжал оставаться в Тибете – в ожидании дальнейших указаний китайского правительства он поселился в Чумби и к февралю 1913 г. женился на тибетской девушке. Находясь в тесном контакте с китайским разведчиком в Индии Лу Синцзи, он получал от него информацию о продвижении сычуаньских войск в Восточном Тибете и намеревался присоединиться к ним в случае их приближения к Лхасе. В феврале 1913 г. он также обратился к пекинскому правительству с инициативой вступить в контакт с премьер-министром Непала с предложением о том, чтобы Непал вошёл в китайское сообщество пяти народов и содействовал китайской политике в Тибете. Непальское

правительство, по мнению Чжун Ина, не могло не осознавать, что Тибет, свободный от китайского контроля, естественным образом превращался в район, неформально управляемый британскими властями, что увеличивало опасность британского вторжения в Непал. Таким образом, Чжун Ин делал вывод о том, что союз с китайским правительством был бы выгоден непальцам. Однако непальское правительство вежливо отказалось от предложения войти в состав пяти народов или какой-либо союз с ними, не вполне логично ссылаясь на древние индуистские традиции Непала [23, с. 394-395]. Лу Синцзи также получил от республиканского правительства указания попытаться проникнуть в Лхасу для личных переговоров с правительством Далай-ламы, в ходе которых он должен был убедить тибетцев признать Китайскую Республику и провести выборы тибетских представителей для участия в работе китайского парламента. Британские войска не пропускали его через тибето-сиккимскую границу, и, находясь в Сиккиме, Лу Синдзи руководил шпионской сетью, занимающейся прореспубликанской пропагандой в Тибете. Главным агентом этой организации в Тибете являлся тибетец Таши Вангди [23, с. 398-399]. В марте 1913 г. пекинское правительство решило отступить от агрессивной политики в Восточном Тибете, сменив форму воздействия на кхамцев с военного принуждения на активную прореспубликанскую пропаганду. Юань Шикай отправил в Тибет двух представителей: Ван Цзяньцина и Го Чжангуана, задача которых заключалась в том, чтобы убедить лидеров восточного Тибета принять участие в большой конференции, организованной китайским правительством в Чамдо [23, с. 409-410]. В конце марта тибетские войска окружили позиции генерала Чжун Ина в Чумби, и он был вынужден окончательно покинуть Тибет. Несмотря на упорство и преданность, проявленные генералом в ходе военных событий 1911-1912 г. в Лхасе, а также его попытки наладить

контакты с непальскими политиками, республиканские власти были разочарованы его вынужденным возвращением в Пекин и приложили все усилия для того, чтобы родные и близкие Чжун Ина расплатились за его неудачи. По прибытии в китайскую столицу генерал Чжун Ин был арестован и, в конечном итоге, казнён [23, с. 384]. После этого на пост начальника по делам Тибета был назначен Лу Синдзи, остававшийся в Сиккиме. В мае 1913 г. Юань Шикай обратился к Далай-ламе с требованием отправить в Сикким делегацию, которая сопровождала бы нового представителя китайской администрации в Лхасу, однако его обращение было проигнорировано. Лу Синдзи также направлял в тибетское правительство письма с объяснением того, что как начальник по делам Тибета он обладает всеми полномочиями для того, чтобы вести переговоры по любым вопросам, касающимся Тибета, однако тибетские чиновники отказывались впустить его в Тибет, предлагая вместо этого провести беседу в Дарджилинге [23, с. 400-402].

Между Инь Чанхэном – командующим сычуаньскими войсками в восточном Тибете, активное продвижение которых в Кхаме было приостановлено по решению пекинского правительства, и губернатором провинции Сычуань Ху Цзиньинем в июне 1913 г. возник острый конфликт из-за политических полномочий. Согласно проекту Ху Цзиньиня, генерал-губернатор будущей провинции Сикан, на должность которого был заранее назначен Инь Чанхэн, носил также звание начальника пограничных территорий и Тибета, что вызывало у Инь Чанхэна ощущение политического превосходства над губернатором Ху Цзиньинем. В июле 1913 г. Инь Чанхэн возглавил бунт против сычуаньского губернатора, вынудив последнего спешно уйти в отставку. После этого Юань Шикай назначил на должность губернатора провинции Сычуань самого Инь Чанхэна, что возмутило сычуаньскую армию, которая продолжала удерживать Чамдо, Дракгьяб, Дэрге и

Нангчен, вследствие чего в Кхаме вновь вспыхнул военный мятеж [23, с. 408-409]. В это же время назначенный Далай-ламой губернатором Кхама главнокомандующий тибетскими войсками в восточном Тибете генерал Джампа Тендар принял решение принять предложение китайских миротворцев и посетить конференцию республиканского правительства в Чамдо для обсуждения тибетского вопроса. От лица тибетского правительства он требовал от китайской стороны вывода войск из тибетских районов, признания Далай-ламы как главы буддийской церкви, признания тибетской автономии в области законодательства, налогообложения и международных отношений, отсутствия китайской администрации в Тибете, а также регулярного финансирования тибетского правительства и монастырей со стороны Китайской Республики. Республиканское правительство не приняло предложения калона, и на этом китайские попытки самостоятельного решения тибетского вопроса были завершены [23, с. 410]. Юань Шикай принял предложение Великобритании о проведении трёхсторонних переговоров при участии тибетцев. В октябре 1913 г. представители Великобритании, Китайской Республики и Тибета встретились в Симле для участия в конференции, на которой обсуждалось будущее Тибета.

Заключение

Синьхайская революция 1911 г., являющаяся ключевым событием в истории Китая, в результате которого после 270-ти лет существования погибла Цинская империя, и на её территории было основано совершенно новое государство Китайская республика, не оказала столь же важного значения на историю Тибета. Событием, действительно изменившим его судьбу, на наш взгляд, стало решение Далай-ламы в 1910 г. бежать на территорию Британской Индии. Его пребывание в Дарджилинге привело к тому, что британское правительство неизбежно оказалось втянуто в тибетскую проблему, и в дальнейшем стало важнейшим актором во всех происходящих в Тибете в последующие годы событиях. Оно принимало активное участие в тибето-китайских переговорах в Лхасе в 1912 г., организовало эвакуацию цинских гарнизонов в Китай через территорию Индии и осуществляло строгий контроль над политикой Китайской Республики в отношении Тибета. В результате этого осенью 1913 г. правительство Китайской Республики было вынуждено согласиться на проведение совместных трёхсторонних переговоров между Великобританией, Китайской Республикой и Тибетом.

Синьхайская революция стала закономерным итогом упадка, в состоянии которого в начале XX в. оказалась Цинская империя. Нерегулярное и недостаточное финансирование армии и снижение контроля за состоянием приграничных войск, размещённых в 1909-1910 гг. в центральном и восточном Тибете, в конечном итоге привели к кризису в армии. Беспорядки и погромы, производившиеся цинской армией в Тибете в 1911-1912 гг. не носили революционного характера, а явились естественным результатом пренебрежения, проявляемого пекинским правительством по отношению к отдалённым войскам. Нападение цинских солдат на один из крупнейших буддийских

монастырей Тибета Сера стало поворотным событием в противостоянии тибетских жителей и китайских войск и ознаменовало начало полноценной войны в Лхасе. Тибетцы оказали цинским солдатам ожесточённое сопротивление, стремясь полностью прогнать их из Тибета.

При этом важной характеристикой тибетского сопротивления являлось то, что оно не носило национального характера, а было направлено против цинской администрации. Кроме того, даже в отношении последней среди тибетцев не было единства. Жители некоторых районов восточного Тибета относились к цинским властям с лояльностью, видя в проведённых в Кхаме в 1906-1910 гг. преобразованиях положительные результаты. Кхамские тусы и главы монастырей, назначенные цинским правительством на управляющие должности, также надеялись на сохранение китайского контроля в восточном Тибете. Против китайского изгнания выступала также часть жителей Лхасы – с цинской администрацией сотрудничали представители назначенного цинскими властями тибетского правительства, монахи Дрепунга, Лоселинга и Тенгйелинга, а также Панчен-лама.

Вероятно, отчасти это было вызвано тем фактом, что наступательная цинская политика в Тибете в начале XX века являлась закономерным продолжением деятельности, проводимой Цинами на протяжении всего своего правления. Несомненно, в ходе «новой политики», курс на которую был взят в Цинской империи после восстания ихэтуаней 1899-1901 гг., цинские мероприятия по колонизации и китаизации восточного Тибета и централизации всего государства были выражены гораздо более интенсивно, чем в предыдущие годы, однако все действия Цинов в отношении Тибета, начиная с освоения Кхама и заканчивая введением китайских войск в столицу, являлись правомерными с точки

зрения международных договоров и необходимости политического укрепления государства. Частью тибетского общества эти мероприятия были восприняты вполне положительно.

Политическая деятельность нового правительства Китайской Республики в отношении тибетских территорий выглядела иначе. Заявляя о своей самостоятельности и отрешённости от Цинской империи, правительство Юань Шикая вместе с тем выражало притязания на Тибет. Очевидное для республиканских властей родство Китая и Тибета формально не было ничем подкреплено, что позволило правительству Далай-ламы рассчитывать на британскую поддержку в противостоянии китайской политике в Тибете. Стремления Далай-ламы добиться тибетской автономии, благодаря установленным им в ходе своего пребывания в Индии в 1910-1912 гг. близким отношениям с британским правительством, наконец, оказались поддержаны участием Великобритании в решении тибетской проблемы. Осознавая преимущества, которые давал для безопасности индийской границы свободный от китайского контроля Тибет, а также перспективы получения особых политических и экономических привилегий в Тибете ввиду благосклонности Далай-ламы, британские власти стали уделять большое внимание политике Китайской Республики в Тибете. Благодаря усилиям британских дипломатов, правительство Юань Шикая было вынуждено отнестись к тибетской проблеме с обходительностью. В 1912 г. в Китайской Республике появились специальное Бюро по делам Монголии и Тибета и множество центров тибетских исследований. Политика пекинских властей в отношении Тибета постепенно перешла из области военного продвижения в сторону дипломатических миссий. Неудачи китайской дипломатии, причина которых заключалась в первую очередь в амбициозном упорстве Далай-ламы в отношении идеи независимого Тибета, а также глубокая вовлечённость Великобритании

в тибетский вопрос привели к тому, что в октябре 1913 г. состоялась Симлская конференция, на которой впервые в присутствии представителей Тибета, Китайской Республики и Великобритании обсуждался вопрос о будущем Тибета.

Список использованной литературы

1. Беспрозванных, Е. Л. Тибето-китайские отношения в XVII-XVIII веках / Е. Л. Беспрозванных. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005.
2. Кычанов, Е. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко. — М : Вост. лит., 2005.
3. Мартынов, А. С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений / А. С. Мартынов. — М : Наука, 1978.
4. Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII-начало XX века / О.Е. Непомнин — М.: "Восточная Лит-ра" РАН, 2005
5. Солощева, М. А. Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.) : специальность 07.00.03 «всеобщая история (средние века)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Солощева Мария Алексеевна ; Санкт-Петербургский Государственный Университет. — Санкт-Петербург, 2014. — 221 с.
6. Шаумян, Т. Л. Тибетский вопрос в англо-русских переговорах 1906–1907 гг. / Т. Л. Шаумян. — Текст : непосредственный // Тибетология и буддология на стыке науки и религии - 2018. Материалы международной конференции 30-31 октября 2018 г . — Санкт-Петербург : Труды ИВ РАН, 2018.
7. Arpi, C. Glimpses on the History of Tibet / C. Arpi. — Dharamshala : The Tibet Museum, 2013.
8. Askew, J. The status of Tibet in the diplomacy of China, Britain, the United States and India, 1911-1959 / J. Askew. — Adelaide : University of Adelaide, 2002.

9. Chapel Tseten Phuntsog. Concise Edition of a General History of Tibet / Chapel Tseten Phuntsog, Nortrang Urgyan, Phuntsog Tsering. — Beijing : China Intercontinental Press, 2011.
10. Chen Qingying, Tibetan History / Chen Qingying. — Wuzhou : Wuzhou Communication Publishing House, 2003.
11. Coales, O. R. Narrative of a Journey from Tachienlu to Ch'amdo and Back via Batang / O. R. Coales. // The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.
12. Cranmer-Byng, J. The Chinese View of Their Place in the World: An Historical Perspective / J. Cranmer-Byng. // The China Quarterly. — 1973. — № 53.
13. Dawa Norbu. China's Tibet Policy / Dawa Norbu. — Richmond, Surrey : Curzon Press, 2001.
14. Dorje Tseten, On the Thirteenth Dalai Lama Ngawang Lozang Thubten Gyatso / Dorje Tseten. // China Tibetology. — 2005. — № 2.
15. Dundul, N. T. In the Service of His Country: The Biography of Dasang Damdul Tsarong / N. T. Dundul. — New York : Snow Lion, 2000.
16. Fung, E,S The military dimension of the Chinese revolution / E,S Fung. — Canberra : Australian National University Press, 1981.
17. Goldstein, M. C. A History of Modern Tibet, 1913-1951: The Demise of the Lamaist State / M. C. Goldstein. — Berkeley : University of California Press, 1992.
18. Ho, D. The Men Who Would Not Be Amban and the One Who Would: Four Frontline Officials and Qing Tibet Policy, 1905-1911 / D. Ho. // Modern China. — 2008. — № 34. — pp. 210-246.

19. Ho, P. In Defense of Sinicization: A Rebuttal of Evelyn Rawski's "Reenvisioning the Qing" / P. Ho. // The Journal of Asian Studies. — 1998. — № 57.
20. King, L. M. The soldier / L. M. King. // The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.
21. Lamb, A. The McMahon Line / A. Lamb. // The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.
22. Lamb, A. Tom Browns from Central Asia / A. Lamb. // The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.
23. Lamb, A., The McMahon Line. A Study in the Relations between India, China and Tibet, 1904 to 1914. / Lamb, A. — London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
24. Lin Hsiao-ting, Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928-49 / Lin Hsiao-ting. — Vancouver : UBCPress, 2006.
25. Marshall, J. G. Britain and Tibet. 1765-1947. A select annotated bibliography of British relations with Tibet and the Himalayan states including Nepal, Sikkim and Bhutan / J. G. Marshall. — Abingdon, Oxon : RoutledgeCurzon, 2005.
26. McGranahan, C. Empire and the Status of Tibet. British, Chinese, and Tibetan Negotiations, 1913-1934 / C. McGranahan. // The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.
27. McKay, A. The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity / A. McKay. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.

28. Palace, W. Losing Face: the British foreign service and the question of Tibet 1904-1922 / W. Palace. — Durham : Durham theses, Durham University, 1995.
29. Poole, D. Anthropology in the Margins of the State / D. Poole. — Santa Fe : School for Advanced Research Press, 2004.
30. Ryosuke Kobayashi, Tibet in the Era of 1911 Revolution / Ryosuke Kobayashi. // Journal of Contemporary East Asia Studies. — 2014. — № 3. — pp. 91-113.
31. Shakabpa, W. D. One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet / W. D. Shakabpa. — Leiden : Brill, 2010.
32. Spence, H. Tsarong II, The Hero of Chaksam, and the Modernisation Struggle in Tibet 1912-1931 / H. Spence. // The Tibet Journal. — 1991. — № 16. — pp. 34-57.
33. Sperling, E. The Chinese venture in K'am, 1904-1911, and the role of Chao Erh-feng / E. Sperling. // The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.
34. Teichman, E. Travels of a Consular Officer in Eastern Tibet / E. Teichman. // The History of Tibet. Volume III The Modern Period: 1895-1959 The Encounter with Modernity. — New York : RoutledgeCurzon, 2003.
35. Tighe, J. Inner Asian Anxieties at the dawn of the Chinese Republic: Mongolia and the Short Life of North-West Magazine / J. Tighe. // China Heritage Quarterly. — 2011. — № 27.
36. Tokan Tada. The Thirteenth Dalai Lama / Tokan Tada. — Tokyo : Centre for East Asian Cultural Studies, 1965.
37. Tuttle, G. Lamas in Exile in China and America. The Tibetan History Reader / G. Tuttle. — New York : Columbia University Press, 2013.

38. Tuttle, G. Tibetan Buddhists in the Making of Modern China / G. Tuttle. — New York : Columbia University Press, 2007.
39. Wissing, D. Pioneer in Tibet: The Life and Perils of Dr. Albert Shelton / D. Wissing. — New York : St. Martin's Publishing Group, 2015.
40. 张召庸 清末民初拉萨动乱性质初析 = Цинмо миньчу ласа дунлуань синчжи чу си/ Чжан Чжаоюн. // Чжунго цзансюэ. — 2015.
41. 张羽新 蒙藏事务局及其对藏政的管理 = Мэнцзаншиуцзюй цзици дуй цзанчжэн дэ гуаньли / Чжан Юйсинь. // Сицзан миньцзу дасюэ чжунго цзансюэ. — 2016.
42. 李勇军 清末民初的西藏建省论 = Цинмо миньчу дэ сицзан цзяньшэн лунь/ Ли Юнцзюнь. // Чжуннань миньцзу дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань). — 2011. — № 5. — С. 70-74.
43. 沈飏 西康改土归流前后的社会情状 = Сикан гайтугуйлю цяньхоу дэ шэхуэй цинчжуан / Шэнь Бяо. // Цинши со. — 2015.
44. 清末十三世达赖喇嘛档案史料选编中国藏学研究中心编 = Цинмо шисаньши далай лама данъань шиляо сюаньбянь чжунго цзансюэ яньцзю чжунсинь бянь. — Beijing : Чжунго цзансюэ чубаньшэ, 2002.
45. བོད་ཁྱིམ་རྒྱུས་རིག་གནས་དབྱུང་གཞིའི་རྒྱ་ཆ་བདམས་བསྐྱེགས་ = Бо кьи логью ригнэ чажи'и гьюча дамдиг / Пекин : Мириг пэтунканг, 1989.
46. བཤད་སྒྲ་དཔལ་འབྱོར་དོན་མཁོ་ཡིག་བསྐྱར་ནས་བཞག་ = Йигкур намжаг / Шэда Палджор Додже. — Bengal : The Bengal Secretariat, 1901.